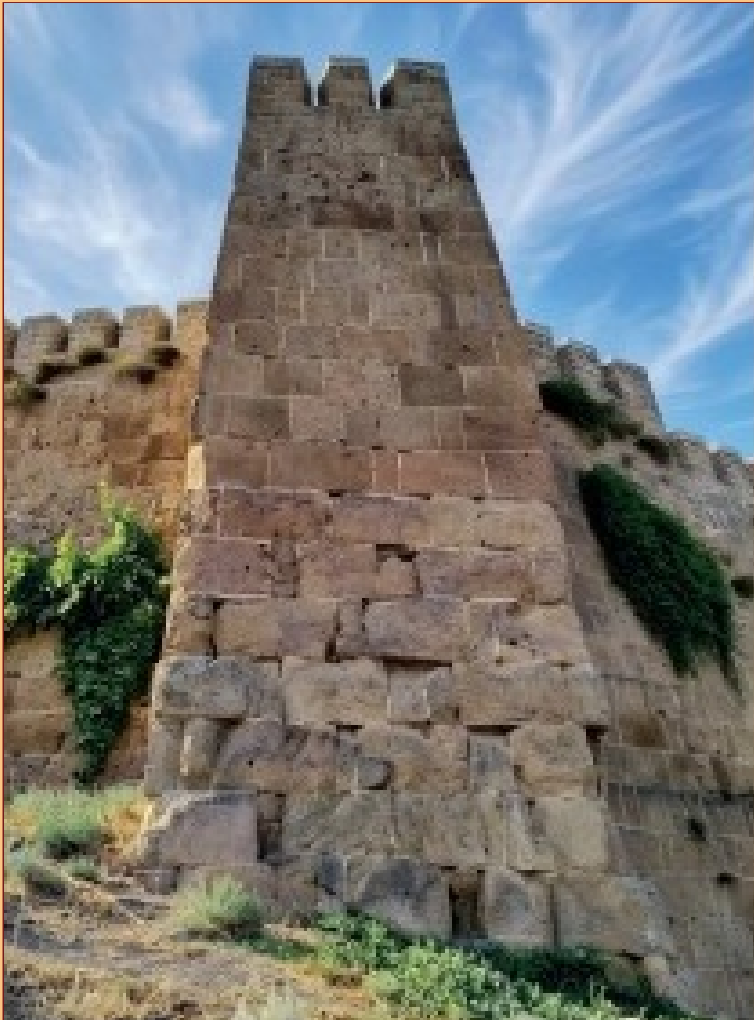

BOCTOK --- ORIENS

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Восток (Oriens)

Vostok (Oriens)

№ 4 · 2026

Содержание

Contents

СТАТЬИ

Лебедев Максим Александрович, Мохамед Мохамед Ибрагим 6

Archaeological Work at Gebel el-Nour and in the Area of Wadi Ghayada (Middle Egypt) in the Season 2025

Archaeological Work at Gebel el-Nour and in the Area of Wadi Ghayada (Middle Egypt) in the Season 2025

Гаджиев Муртазали Серажутдинович 8

Горная стена «Даг-Бары»: форт 7

Mountain Waal "Dagh-Bary": Fort 7

Цыренова Номинь Дондоковна, Цыренов Чингис Цыбикдоржиевич 10

Настенная живопись пещер Арчжая в Ордосе: краткий анализ китайской историографии

Wall Paintings of the Arzhai Caves in Ordos: a Brief Analysis of Chinese Historiography

Nguyen Thi Thu Thuy, Фан Нгок Хюен 12

Vietnam – China Diplomatic Relations in the 16th – 17th Centuries: Envoy Missions of the Lê Trung Hung Dynasty to the Ming Dynasty

Vietnam – China Diplomatic Relations in the 16th – 17th Centuries: Envoy Missions of the Lê Trung Hung Dynasty to the Ming Dynasty

Шаталов Артемий Сергеевич 14

ЭКАДВ в многосторонней экономической дипломатии Советского Союза (1946–1950)

ECAFE in Multilateral Economic Diplomacy of Soviet Union (1946–1950)

Цабина Валерия Александровна	16
Политика правительств независимой Индии в языковом вопросе: основные принципы и этапы	
<i>Language Policy of the Governments of Independent India: Main Principles and Stages</i>	
Мелкумян Елена Суреновна	18
Саудовская политика в отношении Йемена (2015–2025)	
<i>Saudi Policy towards Yemen (2015–2025)</i>	
Mohammadnejad Neshely Mohammad Mahdi	20
Проблема трёх спорных островов в Персидском заливе в контексте ирано-российских политико-дипломатических отношений	
<i>The issue of the three disputed islands in the Persian gulf in the context of Iranian– Russian political and diplomatic relations</i>	
Ивкина Наталья Викторовна	22
Особенности взаимодействия Германии с международными межправительственными организациями в Африке (на примере Африканского Союза)	
<i>Germany's interaction with international intergovernmental organizations in Africa (a case study of the African Union)</i>	
Юлдашева Гули Исматуллаевна	24
Иранский кризис (дек. 2025 – март 2026) и его влияние на Центральную Азию	
<i>Iranian Crisis (December 2025 – March 2026) and its Impact on Central Asia</i>	
Карлусов Вячеслав Всеволодович, Ярков Дмитрий Андреевич	26
Агропромышленный комплекс экономики Китая: системный анализ в мировых сопоставлениях	
<i>Agro-Industrial Complex of the Chinese economy: system analysis in global comparisons</i>	
Федянина Владлена Анатольевна	28
«Сутра Лотоса» в диалоге буддизма и поэзии в средневековой Японии	
<i>The “Lotus Sutra”: The Dialogue between Buddhism and Poetry in Medieval Japan</i>	

- Тарасова Светлана Александровна 30
- Семейные права женщин в Иране в период правления династии Пехлеви (1925–1979 гг.)**
- Women's family rights in Iran during the reign of Pehlevi dynasty*
- Жунисбек Лина, Даулет Фатимабиби Ногайкызы, Сюй Аяна 32
- Politeness in Chinese Diplomatic Discourse: Cross-Cultural Aspects and Translational Challenges**
- Politeness in Chinese Diplomatic Discourse: Cross-Cultural Aspects and Translational Challenges*
- Алексеевко Александр Николаевич, Сарсембаева Гульжан Алибековна, Краснобаева Нелли Леонидовна, Омырзак Тамерлан Ержанулы 34
- Этнодемографическое развитие Казахстана в 1989–2021 гг.**
- Ethnodemographic development of Kazakhstan in 1989–2021*
- Додонов Вячеслав Юрьевич 36
- Самозанятость и цифровизация в мегаполисах Казахстана как фактор ускорения внутренней миграции**
- Self-employment and digitalization in Kazakhstan's megacities as a factor of internal migration acceleration*
- Юша Жанна Монгеевна 38
- Тувинцы Китая в XXI веке: этнический состав и родовой дискурс**
- Tuvans of China in the 21st Century: Ethnic Composition and Generic Discourse*
- Alimdjanov Bakhtiyor Абдихакимович, Акбарова Камила Шухрат кизи 40
- «Политический быт неизменный, как и природа»: цивилизаторство в Русском Туркестане**
- “Political Life Unchangeable, Like Nature”: Civilization in Russian Turkestan*
- Бдоян Давид Гургенович, Манаширов Эльдар Соломонович 42
- Организация тюркских государств и её влияние на российско-турецкие отношения**
- Organisation of Turkic States and its Influence on Russian-Turkish Relations*

Балахванцев Арчил Савелич

44

Эллинистическая торевтика из сарматского кургана у
города Волжский. Часть IV

Hellenistic Toreutics from the Sarmatian Burial Mound near Volzhsky. Part IV

Клементьева Татьяна Владимировна, Мешезников Артем Владимирович

46

Рукописи санскритской «Махапаринирвана-сутры» (SI 2949/1, SI
2955/13) из коллекции М.М. Березовского (ИБР РАН)

*Manuscripts of the Sanskrit "Mahāparinirvāṇa-sūtra" (SI 2949/1, SI 2955/13) in the
Collection of M.M. Berezovsky (IOM RAS)*

Саитбатталов Искандер Расулович

48

Персоязычные рукописи из Индии в собрании Национальной
библиотеки Республики Башкортостан имени Ахмет-Заки Валиди

*Persian-language Manuscripts from India in the collection of the National Library of
the Republic of Bashkortostan named after Akhmet-Zaki Validi*

РЕЦЕНЗИИ

Овсянников Дмитрий Владиславович, Лобанов Владимир Борисович

50

[Рец. на:] Адамчевский П., Цабан В. Кароль Калиновский.
Воспоминания о моей военной службе на Кавказе и о плене у
Шамиля. С 1844 по 1855 гг. Тбилиси: Артануджи, 2025. 296 с.

*[Review of:] Adamchevsky P., Tsaban V. Karol Kalinovsky. Memoirs of My Military
Service in the Caucasus and My Captivity with Shamil. From 1844 to 1855. Tbilisi:
Artanuji, 2025. 296 p.*

DOI: 10.31696/S086919080039489-4

ARCHAEOLOGICAL WORK AT GEBEL EL-NOUR AND IN THE AREA OF WADI GHAYADA (MIDDLE EGYPT) IN THE SEASON 2025

© 2026

ЛЕБЕДЕВ МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ*

*– Институт востоковедения РАН

ORCID: 0000-0002-1524-2083; maximlebedev@mail.ru

© 2026

МОХАМЕД МОХАМЕД ИБРАГИМ*

*– Высший совет по древностям Министерства туризма и древностей;

egyptology_ramg@yahoo.com

Резюме. The article presents preliminary results of the third field season of the Egyptian-Russian Gebel el-Nour Archaeological Project, conducted in November–December 2025. The work comprised excavations; archaeological, topographic, and geophysical surveys; investigation of the Wadi Ghayada cultural landscape; and conservation of architectural remains. Late Roman and Byzantine buildings, a kitchen complex, pottery, and a coin from early in Diocletian's reign, found west of the temple, show that the local temple of Isis had been substantially dismantled by the late third century AD. The space before it was subsequently replanned and occupied by domestic and economic buildings. In the northern necropolis and quarry zone, 59 new features and groups of features were recorded, including rock-cut tombs, traces of stone extraction, and anthropoid burial recesses. In the southern necropolis, ground-penetrating radar detected 26 major anomalies. Investigation of one, first identified in 2024, revealed a new tomb (hypogeum GN 6020). Completion of excavations in chambers GN 6012 and GN 6013 of tomb GN 6010 provided new evidence for local Roman-period funerary practices, including ceramic and painted wooden coffins, funerary masks, and mummification. The regional survey in Wadi Ghayada area clarified the present condition of its cultural landscape. It documented traditional caravan routes, a possible chert-cobble extraction site, and two caravan stations on the route to the travertine quarries in Wadi Muathil. The new evidence demonstrates the long and complex development of the cultural landscape on the east bank of the Nile south of Beni Suef and provides a foundation for future research and preservation of the region's archaeological heritage.

Ключевые слова: Greco-Roman Egypt, Middle Egypt, Gebel el-Nour, settlement, necropolis, temple, cultural landscape

Для цитирования: Лебедев Максим Александрович, Мохамед Мохамед Ибрагим Archaeological Work at Gebel el-Nour and in the Area of Wadi Ghayada (Middle Egypt) in the Season 2025 // Восток (Oriens). 2026. № 4. С. 6–7. DOI: 10.31696/S086919080039489-4

Статья на сайте

ARCHAEOLOGICAL WORK AT GEBEL EL-NOUR AND IN THE AREA OF WADI GHAYADA (MIDDLE EGYPT) IN THE SEASON 2025

© 2026

MAXIM A. LEBEDEV*

© 2026

MOHAMED MOHAMED IBRAGHIM*

Abstract. *The article presents preliminary results of the third field season of the Egyptian-Russian Gebel el-Nour Archaeological Project, conducted in November–December 2025. The work comprised excavations; archaeological, topographic, and geophysical surveys; investigation of the Wadi Ghayada cultural landscape; and conservation of architectural remains. Late Roman and Byzantine buildings, a kitchen complex, pottery, and a coin from early in Diocletian's reign, found west of the temple, show that the local temple of Isis had been substantially dismantled by the late third century AD. The space before it was subsequently replanned and occupied by domestic and economic buildings. In the northern necropolis and quarry zone, 59 new features and groups of features were recorded, including rock-cut tombs, traces of stone extraction, and anthropoid burial recesses. In the southern necropolis, ground-penetrating radar detected 26 major anomalies. Investigation of one, first identified in 2024, revealed a new tomb (hypogeum GN 6020). Completion of excavations in chambers GN 6012 and GN 6013 of tomb GN 6010 provided new evidence for local Roman-period funerary practices, including ceramic and painted wooden coffins, funerary masks, and mummification. The regional survey in Wadi Ghayada area clarified the present condition of its cultural landscape. It documented traditional caravan routes, a possible chert-cobble extraction site, and two caravan stations on the route to the travertine quarries in Wadi Muathil. The new evidence demonstrates the long and complex development of the cultural landscape on the east bank of the Nile south of Beni Suef and provides a foundation for future research and preservation of the region's archaeological heritage.*

Keywords: *Greco-Roman Egypt, Middle Egypt, Gebel el-Nour, settlement, necropolis, temple, cultural landscape*

DOI: 10.31696/S086919080038782-7

ГОРНАЯ СТЕНА «ДАГ-БАРЫ»: ФОРТ 7

© 2026

ГАДЖИЕВ МУРТАЗАЛИ СЕРАЖУТДИНОВИЧ*

*— Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
ORCID: 0000-0002-4592-0527; murgadj@rambler.ru

Резюме. Представленные в статье работы проводились в рамках изучения фортификационной системы Горной стены (Даг-бары), которая являлась составной частью Дербентского оборонительного комплекса, возведенного в правление шаханишаха Хосрова I Ануширвана (531–579) в самом конце 560-х гг. Данная статья посвящена результатам археологических исследований, проведенных на форте 7, расположенном в седловине на перевале Джалганского хребта и занимавшем важное стратегическое положение. Это укрепление впервые зафиксировано кн. Дм. Катемиром в августе 1722 г. и обозначено на его схематической карте начального 15-километрового участка Горной стены под названием Kiosk (от ср.-перс. *kōšk* – «дворец, замок»). По названию бурдж Кошк (араб. бурдж – «укрепление, башня») он фигурирует у ген. А.В. Комарова. На ряде планов российских военных топографов конца XVIII – начала XIX в. он именуется Меше-бург (очевидно, от тюрк.-араб. Меше-бурдж – «Лесное укрепление (крепость, башня)»). Форт имеет относительно хорошую сохранность. Судя по остаткам стен, он имел прямоугольную форму с угловым круглыми глухими башнями диаметром около 5 м. Внутренние размеры форта составляют около 24,5 × 12,7 м при толщине стен 2,0–2,8 м, высота сохранившихся стен и башен доходит до 8–9 м от современной дневной поверхности и, как установлено стратиграфическим шурфом, около 10,6–11,6 м от подошвы стены. Выявленные остатки форта имеют те же конструктивные особенности, что и другие укрепления Дербентского оборонительного комплекса – двупанцирная орфостатная сухая кладка (ложком и тычком) с забутовкой на известковом растворе. Представленный в культурных напластованиях шурфа немногочисленный комплекс керамической посуды относится к сер. VI – началу XIII в. и указывает на время активного функционирования форта. Учитывая, что строительство 42-километровой Горной стены представляло второй этап в возведении Дербентского оборонительного комплекса, сооружение фортов этой фортификационной линии можно отнести к началу 570-х гг.

Ключевые слова: Кавказ, Сасанидский Иран, Дербент, Горная стена, Даг-бары, фортификация, форт, оборонительная архитектура

Для цитирования: Гаджиев Муртазали Серажутдинович Горная стена «Даг-Бары»: форт 7 // Восток (Oriens). 2026. № 4. С. 8–9. DOI: 10.31696/S086919080038782-7

Статья на сайте

MOUNTAIN WAAL “DAGH-BARY”: FORT 7

© 2026

MURTAZALI S. GADZHIEV*

Abstract. *The work presented in the article was carried out as part of the study of the fortification system of the Mountain Wall (Dag-bary), which was an integral part of the Derbent defensive complex erected under the reign of Shahanshah Khosrow I Anushirvan (531–579) in the late 560s. This article is devoted to the results of archaeological research conducted on Fort 7, located in a saddle on the pass of the Jalgan ridge and occupying an important strategic position. This fortification was first recorded by Prince Dm. Katemir in August 1722 and is indicated on his schematic map of the initial 15-kilometer section of the Mountain Wall called Kiosc (from M.Pers. kōšk – “palace, castle”). By the name burj Koshk (Arab. burj – “tower; fortification”) he is mentioned by the gen. A.V. Komarov. On a number of plans of Russian military topographers of the late 18th – early 19th century it is called Mesheburg (obviously, from Turk.-Arab. Meshe-burj – “Forest fortification (fortress, tower)”). The fort has relatively good preservation. Judging by the remains of the walls and towers, it had a rectangular shape with angular round blind towers with a diameter of about 5 m. The internal dimensions of the fort are about 24.5×12.7 m with a wall thickness of 2.0–2.8 m, the height of the preserved walls and towers reaches 8–9 m from the modern day surface and, as established by the stratigraphic pit, approx. 10.6–11.6 m from the base of the wall. The identified remains of the fort have the same design features as other fortifications of the Derbent defensive complex – dry armor (header and stretcher) masonry of big rectangular blocks with clogging with rough torn stones and rubble on lime mortar. The small complex of ceramic ware presented in the cultural strata of the pit dates back to the middle of the 6th – beginning of the 13th century and indicates the time of the active functioning of the fort. Considering that the construction of the 42-kilometer Mountain Wall represented the second stage in the construction of the Derbent defensive complex, the construction of the forts of this fortification line can be attributed to the early 570s.*

Keywords: *Caucasus, Sasanian Iran, Derbent, Mountain wall, Dag-bary, fortification, fort, defensive architecture*

DOI: 10.31696/S086919080037869-2

НАСТЕННАЯ ЖИВОПИСЬ ПЕЩЕР АРЧЖАЯ В ОРДОСЕ: КРАТКИЙ АНАЛИЗ КИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© 2026

ЦЫРЕНОВА НОМИНЬ ДОНДОКОВНА*

* – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
ORCID: 0000-0001-9578-5493; nomin_n@mail.ru

© 2026

ЦЫРЕНОВ ЧИНГИС ЦЫБИКДОРЖИЕВИЧ*

* – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Отдел истории и культуры Центральной Азии
ORCID: 0000-0002-1088-0625; tsyrenov@imbt.ru

Резюме. В статье представлены результаты комплексного историографического анализа современных китайских исследований, посвященных малоизвестному в мировой науке комплексу Арчжайских пещер (кит. 阿契盖石窟), расположенных хошуне Отог, Автономного района Внутренняя Монголия КНР. Комплекс состоит из нескольких десятков искусственных пещер, высеченных в массиве красного песчаника. Сюжеты настенных картин обнаруживают большое сходство с историческими событиями раннего периода Монгольской империи эпохи второго тангутского похода Чингисхана (1226–1227 гг.). В частности, китайские историки связывают сюжеты на рисунках трех пещер (пещера №10 и настенные росписи в пещерах №28 и №31) с данными, изложенными в таких письменных памятниках как «Сокровенное сказание монголов» (кит. 元史 卷一百一十五), «Краткое описание черных татар» (кит. 黑鞑事略) Пэн Да-я (?–1245, эпоха Южной Сун) и Сюй Тина (?–?, эпоха Южной Сун) и «Цао му цзы 1111» («Мастер, [измеряющий дни] травинками и [годы] деревянными щепками») Е Цыци (1327–1390). Сравнительный комплексный иконографический, этнографический и топонимический анализ историко-культурных сведений, сюжетов и артефактов в пещерах Арчжай, а также сюжетов из китайских первоисточников позволяют сделать вывод о высокой научной и художественной ценности пещерного комплекса Арчжай как предполагаемого места отдыха и исцеления Чингис-хана во время тангутского похода 1226–1227 гг. в контексте раннего периода рецепции буддизма в монгольской империи и ранних этапов сакрализации образа Чингисхана в монгольской политической культуре.

Сделан вывод о том, что комплекс пещер Арчжай является единственным известным на сегодняшний день материальным объектом, где возможно наблюдение в динамике процесса превращения исторического персонажа в сакральный символ, а исторического события – в мифологему, лежащую в основе национальной и религиозной идентичности.

Ключевые слова: Чингис-хан, Ордос, Арчжайские пещеры, Монгольская империя, погребальный обряд, артефакты, настенная роспись, историческая память

Для цитирования: Цыренова Номинь Дондоковна, Цыренов Чингис Цыбикдоржиевич Настенная живопись пещер Арчжай в Ордосе: краткий анализ китайской историографии // Восток (Oriens). 2026. № 4. С. 10–11. DOI: 10.31696/S086919080037869-2

Статья на сайте

WALL PAINTINGS OF THE ARZHAI CAVES IN ORDOS: A BRIEF ANALYSIS OF CHINESE HISTORIOGRAPHY

© 2026

NOMIN TSYRENOVA*

© 2026

CHINGIS TSYRENOV*

Abstract. *The article presents outcomes from an in-depth historiographical examination of recent Chinese studies on the Arzhai Cave complex (Ch. Ā'ěrzhài shíkū 阿儿寨石窟), a relatively obscure site in international scholarship, situated in Otog Banner, Inner Mongolia Autonomous Region, PRC. This ensemble includes several dozen artificial caves excavated from a red sandstone formation. Motifs in the mural paintings exhibit strong resemblances to occurrences during the nascent Mongol Empire amid Chinggis Khan's second Tangut expedition (1226–1227). Notably, Chinese researchers associate the scenes in three caves (Cave No. 10, plus murals in Caves No. 28 and No. 31) with narratives from primary texts such as the Secret History of the Yuan Dynasty (Ch. Yuán cháo mì shǐ 元朝秘史), the Brief Account of the Black Tatars (Ch. Hēi dá shì lüè 黑达世略) by Peng Daya (?–1245, Southern Song) and Xu Ting (?–?, Southern Song), and Ye Ziqi's (1327–1390) Caomu zi (《草木子》, "Master of Grasses and Woods"). Through integrated comparative iconographic, ethnographic, and toponymic scrutiny of the caves' historical-cultural elements, motifs, and artifacts—juxtaposed with Chinese source materials—the analysis affirms the Arzhai complex's profound scientific and artistic significance as the likely location for Chinggis Khan's rest and recuperation in the 1226–1227 Tangut campaign, framed by Buddhism's early adoption in the Mongol Empire and the formative sacralization of Chinggis Khan within Mongol political traditions. It is determined that the Arzhai caves represent the sole extant tangible relic permitting observation of the evolving process whereby a historical individual becomes a holy emblem, and a real event morphs into a mythologeme central to national and religious self-conception.*

Keywords: Chinggis Khan, Ordos, Arzhai Caves, Mongol Empire, funerary rite, artifacts, wall painting, historical memory

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Наследие Великой Монгольской империи и средневековых монголов в исторической памяти народов Внутренней Азии» (№ 23-78-10139), <https://rscf.ru/project/23-78-10139/>.

DOI: 10.31696/S086919080036391-7

VIETNAM – CHINA DIPLOMATIC RELATIONS IN THE 16TH – 17TH CENTURIES: ENVOY MISSIONS OF THE LÊ TRUNG HƯNG DYNASTY TO THE MING DYNASTY

© 2026

NGUYEN THI THU THUY*

*—

ORCID: 0009-0000-4522-0072; thuynt@hnue.edu.vn

© 2026

ФАН НГОК ХЮЕН*

*— Исторический факультет, Ханойский национальный педагогический университет

ORCID: 0000-0003-1285-8795; huyenpn@hnue.edu.vn

Резюме. After the overthrow of the Mạc dynasty in 1592, the Lê Trung Hung dynasty dispatched its first envoy mission to Ming China in 1597, carrying out the duties of paying tribute and requesting investiture, thereby re-establishing diplomatic relations. From this initial mission until 1646, the Lê Trung Hung dynasty sent a total of 15 envoy missions to the Ming, performing various responsibilities, including requesting investiture, presenting tribute, expressing gratitude, and celebrating the Ming emperor's enthronement. Among these, requesting investiture and paying tribute were the most central and recurring objectives. Drawing upon Vietnamese historical manuscripts and the Ming Shilu (Veritable Records of the Ming Dynasty), this article analyzes the envoy missions of the Lê Trung Hung dynasty in terms of their number, duties, tribute goods, organizational structure, and the backgrounds of the envoys. It clarifies the frequency and purposes of these missions, the characteristics of the diplomatic personnel selected by the dynasty, and the political significance of envoy activities in the restoration and consolidation of the dynasty. It also shows that these missions were not merely routine diplomatic procedures but an important means through which the dynasty sought legitimacy in its relations with Ming China. Through these missions, the article examines Vietnam–China diplomatic relations in the sixteenth and seventeenth centuries and contributes to a better understanding of tributary diplomacy under the Lê Trung Hung dynasty.

Ключевые слова: Lê Trung Hung, Ming, envoy missions, Vietnam, China

Для цитирования: Nguyen Thi Thu Thuy, Фан Нгок Хюен Vietnam – China Diplomatic Relations in the 16th – 17th Centuries: Envoy Missions of the Lê Trung Hung Dynasty to the Ming Dynasty // Восток (Oriens). 2026. № 4. С. 12–13. DOI: 10.31696/S086919080036391-7

Статья на сайте

VIETNAM – CHINA DIPLOMATIC RELATIONS IN THE 16TH – 17TH CENTURIES: ENVOY MISSIONS OF THE LÊ TRUNG HƯNG DYNASTY TO THE MING DYNASTY

© 2026

THI THU THUY NGUYEN*

© 2026

NGOC HUYEN PHAN*

Abstract. *After the overthrow of the Mạc dynasty in 1592, the Lê Trung Hưng dynasty dispatched its first envoy mission to Ming China in 1597, carrying out the duties of paying tribute and requesting investiture, thereby re-establishing diplomatic relations. From this initial mission until 1646, the Lê Trung Hưng dynasty sent a total of 15 envoy missions to the Ming, performing various responsibilities, including requesting investiture, presenting tribute, expressing gratitude, and celebrating the Ming emperor's enthronement. Among these, requesting investiture and paying tribute were the most central and recurring objectives. Drawing upon Vietnamese historical manuscripts and the Ming Shilu (Veritable Records of the Ming Dynasty), this article analyzes the envoy missions of the Lê Trung Hưng dynasty in terms of their number, duties, tribute goods, organizational structure, and the backgrounds of the envoys. It clarifies the frequency and purposes of these missions, the characteristics of the diplomatic personnel selected by the dynasty, and the political significance of envoy activities in the restoration and consolidation of the dynasty. It also shows that these missions were not merely routine diplomatic procedures but an important means through which the dynasty sought legitimacy in its relations with Ming China. Through these missions, the article examines Vietnam–China diplomatic relations in the sixteenth and seventeenth centuries and contributes to a better understanding of tributary diplomacy under the Lê Trung Hưng dynasty.*

Keywords: Lê Trung Hưng, Ming, envoy missions, Vietnam, China

DOI: 10.31696/S086919080038797-3

ЭКАДВ В МНОГОСТОРОННЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (1946–1950)

© 2026

ШАТАЛОВ АРТЕМИЙ СЕРГЕЕВИЧ*

* – Постоянное представительство Российской Федерации при ООН в Нью-Йорке
ORCID: 0009-0004-5170-8946; artemiyshatalov@gmail.com

Резюме. Советский Союз стоял у истоков одного из ключевых региональных институтов экономической дипломатии ООН — Экономической комиссии для Азии и Дальнего Востока (ЭКАДВ), однако этот вопрос практически не исследован в историографии. Цель статьи — выявить роль СССР в учреждении ЭКАДВ и особенности участия в ее работе на раннем этапе (1946–1950 гг.). Анализ этой проблемы позволит продемонстрировать отношение Москвы к многосторонним учреждениям, выявить специфику социально-экономической дипломатии ООН на Дальнем Востоке в первые послевоенные годы, ответить на вопрос о том, каким образом складывался баланс между пропагандистской и отраслевой составляющей в работе региональных комиссий ООН. Опираясь на впервые вводимые в научный оборот материалы трех фондов Архива внешней политики Российской Федерации, автор раскрывает специфику развития универсального многостороннего взаимодействия в сфере экономики, промышленности, торговли и сельского хозяйства в регионе ответственности ЭКАДВ в конце 1940-х гг. При создании ЭКАДВ Москва стремилась перенести архитектуру Европейской экономической комиссии ООН на новую структуру, причем, опасаясь оказаться в меньшинстве, СССР добивался ограниченных полномочий Комиссии с акцентом на консультативно-информационные, а не оперативные функции. В результате площадка ЭКАДВ превратилась в арену советско-американской борьбы нарративов, а Советский Союз активно использовал ее для защиты своих интересов в отношении ситуации в Китае и Японии, а также противодействия созданию «плана Маршалла» для региона. В отраслевом сотрудничестве советско-американские противоречия наиболее ярко проявились в сфере региональной торговли (вопросы протекционизма, тарифов и пр.) и развития национальной промышленности стран Азии и Дальнего Востока. Сельскохозяйственное направление работы Комиссии оказалось заблокировано, тогда как приоритетными стали вопросы промышленного развития. Делается вывод о том, что, несмотря на скепсис, СССР предпочитал участвовать в международных институтах, а не оставаться в стороне.

Ключевые слова: Советский Союз, ООН, ЭКАДВ, ЭСКАТО, многосторонняя дипломатия, экономическая дипломатия, Холодная война, колониализм

Для цитирования: Шаталов Артемий Сергеевич ЭКАДВ в многосторонней экономической дипломатии Советского Союза (1946–1950) // Восток (Oriens). 2026. № 4. С. 14–15. DOI: 10.31696/S086919080038797-3

Статья на сайте

ECAFE IN MULTILATERAL ECONOMIC DIPLOMACY OF SOVIET UNION (1946–1950)

© 2026

ARTEMII SHATALOV*

Abstract. *The Soviet Union was at the origin of one of the key regional institutions of UN economic diplomacy - the Economic Commission for Asia and the Far East (ECAFE) - but this issue is hardly studied in historiography. The article aims to identify the role of the USSR in the establishment of ECAFE and its work there in 1946-1950. It demonstrates the attitude of Moscow towards multilateral institutions and reveals the specificity of socio-economic diplomacy of the UN in the Far East. Based on the newly revealed documents of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation, the author analyses the specifics of the development of universal multilateral interaction in the sphere of economy, industry, trade and agriculture in the ECAFE region in the late 1940s. When establishing ECAFE, Moscow sought to transpose the architecture of the UNECE, and, fearing to be left in minority, the USSR argued for limited powers of the Commission. As a result, the ECAFE became an arena for the Soviet-American narrative struggle, and the Soviet Union actively used it to defend its interests regarding the situation in China and Japan. Concerning the state of the industry, the Soviet-American conflicts were most pronounced in the sphere of regional trade (protectionism, tariffs, etc.) and national industrial development of Asian and Far Eastern countries. The Commission's agricultural domain was blocked, with industrial development issues given priority. The author concludes that, despite skepticism, the USSR preferred to participate in international institutions rather than abstain from joining them.*

Keywords: *Soviet Union, United Nations, ECAFE, ESCAP, multilateral diplomacy, economic diplomacy, Cold War, colonialism*

DOI: 10.31696/S086919080038800-7

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВ НЕЗАВИСИМОЙ ИНДИИ В ЯЗЫКОВОМ ВОПРОСЕ: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ЭТАПЫ

© 2026

ЦАБИНА ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА*

* – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ORCID: 0009-0000-0846-8896; vtsabina2000@yandex.ru

Резюме. В статье рассматриваются этапы языковой политики Индии, начиная с обретения страной независимости в 1947 г. Уже во время составления Конституции перед новым правительством молодого государства встала задача выработки этнолингвистической политики, в рамках которой предстояло определить её цели. Различные силы, приходившие к власти, по-разному видели их и пути их достижения. Страна пережила как радикальные повороты во внутреннем развитии и в том числе в направленности языковой политики, так и несколько серьёзных конфликтов в регионах, возникших на этнолингвистической основе. Первые 15 лет существования независимого государства стали временем не только активной реализации правительственных мероприятий в отношении языка, но и переосмысления некоторых целей и идеологических установок этнолингвистической политики в целом.

В основу исследования легли документы разных лет, отражающие официальную политику центральных властей, с одной стороны, и реальную лингвистическую ситуацию в Индии – с другой. В фокусе внимания – сходства и принципиальные различия в подходах к языковому вопросу политических партий, пребывавших у власти в центре в разное время, также анализируются проводимые ими мероприятия и полученные результаты. Таким образом, весь период реализации языковой политики в независимой Индии оказывается разбит на исторические этапы, различающиеся не только партиями, сформировавшими правительство, но и тенденциями в осуществлении мероприятий языковой политики. Прослеживаются ключевые особенности каждого этапа и причины изменения подходов в исторической перспективе. При этом каждый из подходов оценивается в контексте тех исторических условий, в которых он существовал и применялся. Конец XIX – начало XX вв. стало периодом серьёзных изменений как во внутренней политике Республики Индия, так и во внешнеполитических реалиях. Эти изменения нашли своё отражение в подходах основных политических сил страны к языковому вопросу.

Ключевые слова: Индия, языковая политика, Индийский Национальный Конгресс, Бхаратия Джаната партии, иерархия языков

Для цитирования: Цабина Валерия Александровна Политика правительств независимой Индии в языковом вопросе: основные принципы и этапы // Восток (Oriens). 2026. № 4. С. 16–17. DOI: 10.31696/S086919080038800-7

Статья на сайте

LANGUAGE POLICY OF THE GOVERNMENTS OF INDEPENDENT INDIA: MAIN PRINCIPLES AND STAGES

© 2026

VALERIA TSABINA*

Abstract. *This article examines the stages of India's language policy since the independence in 1947. Even during the drafting of the Constitution, the new government had to develop an ethnolinguistic policy, define its goals. Various forces that came to power had different visions of these goals and the means to achieve them. The country experienced both radical shifts in its language policy and several serious regional conflicts that arose along multiple ethnolinguistic lines. The first 15 years of independence were a time not only of active government implementation of language-related measures but also of a rethinking of its ideological tenets as a whole.*

This study draws on documents from various periods, reflecting the official policy of the central government and the actual linguistic situation in India. The focus is on the similarities and differences in the approaches of different political parties. The measures they implemented and the results achieved are also analyzed. Thus, the entire period of language policy in independent India is divided into stages, distinguished not only by the central government but also by the trends of language policy. The key features of each stage and the changes in approaches are traced in historical perspective. Each approach is assessed within the political context in which it existed. The late 19th and early 20th centuries were a period of significant changes in both the domestic politics of India and its foreign policy realities. These changes were reflected in the approaches of the country's main political forces to the language issue.

Keywords: *India, language policy, Indian National Congress, Bharatiya Janata Party, language hierarchy*

DOI: 10.31696/S086919080038776-0

САУДОВСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ЙЕМЕНА (2015–2025)

© 2026

МЕЛКУМЯН ЕЛЕНА СУРЕНОВНА*

*– Институт востоковедения РАН

ORCID: 0000-0001-8901-2259; melkumyanes@mes.su

Резюме. Статья посвящена рассмотрению особенностей политического курса Саудовской Аравии в отношении Йемена, являющегося соседним государством с очень протяженной границей. Была поставлена задача изложить официальную саудовскую точку зрения на то, как строилась политика в отношении Йемена, какие цели она преследовала, и какие факторы оказывали на нее влияние. Во введении автор попытался дать представление саудовских исследователей о значении Йемена для Саудовской Аравии, что определяло выработку внешнеполитической линии в отношении этой страны. В статье исследуется, главным образом, саудовская политика в период проходившей в Йемене гражданской войны. Автор сосредоточился на временном отрезке с 2015 по 2025 гг., когда Саудовская Аравия активизировала свою политику и стала применяться различные методы для ее реализации. В 2015 г. Саудовское королевство начала военную операцию в Йемене, возглавив созданную для этой цели арабскую коалицию. Применение военной силы, как это следует из официального саудовского дискурса, носило легитимный характер на том основании, что законно избранное йеменское правительство обратилось к Саудовскому королевству с просьбой оказать ему военную поддержку для удержания своей власти. Неудача военной операции заставила саудовский политический истеблишмент вернуться к использованию политико-дипломатических методов. Автор уделит внимание осложнению отношений между Саудовской Аравией и ОАЭ – традиционными союзниками, политика которых в Йемене была направлена на несовпадающие друг с другом цели. Саудовское государство активизировало и использование такого традиционного инструмента своей внешней политики, как предоставление экономической и гуманитарной помощи Йемену. В статье дается подробное изложение того, как менялся объем помощи в различные периоды развития йеменского кризиса, ее формы и направления. Автор приходит к выводу о том, что саудовская политика определялась, прежде всего, стремлением обеспечить свою национальную безопасность.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Йемен, внешняя политика, военная сила, дипломатия, помощь

Для цитирования: Мелкумян Елена Суреновна Саудовская политика в отношении Йемена (2015–2025) // Восток (Orientes). 2026. № 4. С. 18–19. DOI: 10.31696/S086919080038776-0

Статья на сайте

SAUDI POLICY TOWARDS YEMEN (2015–2025)

© 2026

ELENA S. MELKUMYAN*

Abstract. The article looks into the specifics of Saudi Arabia's political course towards Yemen. The task was set to present the official Saudi point of view on how this policy was built, what goals it

pursued, and what main factors influenced it. In the introduction, the author presents ideas of Saudi scholars about the significance of Yemen for Saudi Arabia. The article examines Saudi policy during the civil war in Yemen and over the period when active fighting was terminated, but the fight between different political powers continued. The author focused on the period from 2015 to 2025, when Saudi policy was intensified and various methods were used to implement it. In 2015, the Saudi Kingdom began a military operation in Yemen. The use of military force, as follows from the official Saudi discourse, was legitimate on the grounds that the legally elected Yemeni government asked the Saudi Kingdom to provide military support to maintain its power. The failure of the military operation forced the Saudi political establishment to return to the use of political and diplomatic methods. The author paid attention to the complications in Saudi – Emirates relations, whose policies in Yemen were aimed at divergent goals. The Saudi state has also intensified the use of a traditional instrument of its foreign policy – providing economic and humanitarian assistance to Yemen. The article provides a detailed description of how the volume of assistance changed its forms and directions.

Keywords: Saudi Arabia, Yemen, foreign policy, military force, diplomacy, assistance

DOI: 10.31696/S086919080038781-6

ПРОБЛЕМА ТРЁХ СПОРНЫХ ОСТРОВОВ В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ В КОНТЕКСТЕ ИРАНО-РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

© 2026

МОHAMMADNEJAD NESHELY MOHAMMAD MAHDI*

* – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ORCID: 0009-0006-5376-5607; mishaneshely@yandex.ru

Резюме. Исламской Республикой Иран по вопросу принадлежности островов Абу-Муса, Большого и Малого Томба, расположенных в Персидском заливе. Анализируется эволюция данного территориального спора, его исторические и международно-правовые основания, а также влияние колониального наследия британской политики в регионе на формирование современных интерпретаций статуса островов. Особое внимание уделяется аргументации иранской стороны, опирающейся на исторические документы, административную практику и правовые основания, подтверждающие суверенитет Ирана над указанными территориями.

В работе также исследуется позиция Российской Федерации, которая формируется в контексте её более широкой многовекторной внешней политики на Ближнем Востоке и стремления поддерживать конструктивные отношения как с Ираном, так и со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Рассматриваются дипломатические заявления и международные документы последних лет, а также политико-дипломатические факторы, влияющие на осторожный и сбалансированный подход Москвы к данному вопросу.

Отдельный раздел посвящён анализу дипломатического инцидента 2023 г., вызванного совместным заявлением России и стран ССАГПЗ, в котором была отражена поддержка идеи урегулирования спора мирными средствами. Исследуются причины негативной реакции Тегерана и особенности восприятия данного эпизода в иранском политическом и экспертном дискурсе.

В заключение делается вывод о том, что рассматриваемый территориальный спор носит преимущественно символично-политический и стратегический характер. Несмотря на периодические дипломатические трения, он не оказывает решающего влияния на общее развитие ирано-российских отношений, которые продолжают развиваться в рамках прагматического партнёрства и совпадения интересов в ряде региональных и международных вопросов.

Ключевые слова: Иран, Россия, Персидский залив, Абу-Муса, Большой Томб, территориальный спор, ССАГПЗ, суверенитет

Для цитирования: Mohammadnejad Neshely Mohammad Mahdi Проблема трёх спорных островов в Персидском заливе в контексте ирано-российских политико-дипломатических отношений // Восток (Oriens). 2026. № 4. С. 20–21. DOI: 10.31696/S086919080038781-6

Статья на сайте

THE ISSUE OF THE THREE DISPUTED ISLANDS IN THE PERSIAN GULF IN THE CONTEXT OF IRANIAN–RUSSIAN POLITICAL AND DIPLOMATIC RELATIONS

© 2026

MOHAMMAD MAHDI MOHAMMADNEJAD NESHELY*

Abstract. *The article examines political and diplomatic disagreements between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran concerning the sovereignty of the islands of Abu Musa, Greater Tunb, and Lesser Tunb in the Persian Gulf. It analyzes the historical and legal foundations of Iran's position and considers the development of the dispute within the broader context of regional politics and international law. Particular attention is given to the colonial legacy of the issue, especially the role of British policy in the Persian Gulf and its influence on the emergence of competing territorial claims and interpretations of the islands' legal status.*

The study also explores the approach of the Russian Federation to this dispute. Russia's position is examined within the framework of its multi-vector foreign policy in the Middle East and its efforts to maintain balanced relations with both Iran and the member states of the Gulf Cooperation Council (GCC). In this context, the article analyzes diplomatic statements and political factors that shape Moscow's cautious and pragmatic approach to the issue.

Special attention is devoted to the diplomatic incident of 2023, which emerged after a joint statement by Russia and GCC states addressing the question of the islands and supporting a peaceful settlement of the dispute. The article examines the reasons behind Tehran's critical reaction and the perception of this episode within Iranian political discourse.

The study concludes that the dispute surrounding the islands has a predominantly symbolic and strategic character and does not fundamentally undermine the foundations of Iranian–Russian partnership.

Keywords: *Iran, Russia, Persian Gulf, Abu Musa, Greater Tunb, territorial dispute, GCC, sovereignty*

DOI: 10.31696/S086919080039123-2

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГЕРМАНИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В АФРИКЕ (НА ПРИМЕРЕ АФРИКАНСКОГО СОЮЗА)

© 2026

ИВКИНА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА*

* – Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ORCID: 0000-0001-8654-7629; ivkina-nv@rudn.ru

Резюме. Статья посвящена изучению особенностей политики Германии в отношении международных межправительственных организаций. В качестве практического кейса взят Африканский Союз (АС). Актуальность заявленной темы обусловлена снижением влияния отдельных европейских стран, прежде всего бывших метрополий, на африканскую повестку дня и необходимостью создавать новые механизмы его замещения. Германия как одна из ведущих экономик Европейского Союза стремится занять важное место африканской повестке дня. В качестве теоретической базы исследования предлагается концепция структурной власти Сьюзен Стрендж, которая основана на четырех формах контроля европейских стран над африканскими. Они охватывают базовые сферы взаимодействия между акторами: политическую сферу и сферу безопасности, экономическую, финансовую и гуманитарную сферы. Изначально концепция учитывала политику исключительно государственных акторов по причине доминирования *Realpolitik*, но впоследствии была расширена на негосударственные, в том числе международные, организации, НКО, ТНК, аналитические центры и другие эпистемические сообщества, способные оказывать влияние на формирование международной повестки. В процессе изучения каждой из форм контроля автор выявляет особенности, характерные непосредственно для немецкой внешней политики в отношении Африканского Союза. Представлен анализ государственных структур Германии, в чем ведении находится разработка политики страны в отношении Африканского Союза. Именно эти институты оказывают наибольшее влияние на последующее голосование Берлина во внешних структурах, таких как МВФ. В качестве цели исследования видится доказательство того, что Германия стремится не к альтруистической помощи африканским странам в процессе обеспечения безопасности и экономической стабильности, а к решению собственных внешнеполитических задач. Выводы сделаны по политике Германии в отношении АС по каждой из четырех форм контроля, также выделены отдельные общие черты, которые характерны для поведенческой модели Германии в процессе реализации структурной власти в отношении Африканского Союза.

Ключевые слова: Германия, Африканский Союз, концепция структурной власти, Сьюзен Стрендж, «новый тип» колониализма, МУС

Для цитирования: Ивкина Наталья Викторовна Особенности взаимодействия Германии с международными межправительственными организациями в Африке (на примере Африканского Союза) // Восток (Orient). 2026. № 4. С. 22–23. DOI: 10.31696/S086919080039123-2

Статья на сайте

GERMANY'S INTERACTION WITH INTERNATIONAL INTERGOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN AFRICA (A CASE STUDY OF THE AFRICAN UNION)

© 2026

NATALIA V. IVKINA*

Abstract. *The article examines the specific features of Germany's policy toward international intergovernmental organizations. The African Union is used as a practical case study. The relevance of the stated topic is driven by a decline in the influence of individual European countries—above all, former metropolises—on the African agenda and by the need to create new mechanisms to replace that influence. Germany, as one of the leading economies of the European Union, seeks to occupy an important place in the African agenda. As the theoretical basis of the study, the author proposes Susan Strange's concept of structural power, based on four main forms of control exercised by European countries over African ones. They cover the basic spheres of interaction between actors: the political and security sphere, the economic sphere, and the humanitarian sphere. Originally, the concept covered the policy of exclusively state actors, but it was later expanded to non-state actors as well, including international organizations, NGOs, transnational corporations, and others. It is precisely these institutions that exert the greatest influence on Berlin's subsequent voting in external bodies such as the IMF. The study's aim is presented as demonstrating that Germany is striving not for altruistic assistance to African countries in ensuring security and economic stability, but for solving its own foreign policy tasks. Conclusions are drawn for each of the four forms of control; general traits that are characteristic of Germany's behavioral model in the process of exercising structural power toward the African Union are also identified.*

Keywords: Germany, African Union, concept of structural power, Susan Strange, "new type" of colonialism, ICC

DOI: 10.31696/S086919080039162-5

ИРАНСКИЙ КРИЗИС (ДЕК. 2025 – МАРТ 2026) И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

© 2026

ЮЛДАШЕВА ГУЛИ ИСМАТУЛЛАЕВНА*

* – Координационно-Методический Центр новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан
ORCID: 0000-0001-9979-0329; guli_57@mail.ru

Резюме. В статье изучаются основные причины и факторы кризиса внутри и вокруг Исламской Республики Иран в период с декабря 2025 по март 2026 г., недавно начатой войны США и Израиля против Исламской Республики, политические и экономические последствия и влияние данного процесса на регион Центральной Азии. В условиях сложной международной ситуации, находящейся на грани глобальной катастрофы, отсутствует единая позиция о перспективах развития Исламской Республики. Вместе с тем очевидно, что будущее нового миропорядка зависит от итогов данного кризиса и соответственной стратегии заинтересованных держав. В этой связи особое внимание уделено взаимодействию и взаимовлиянию внутренних и внешних факторов в развитии Ирана, включая особенности этно-национальной, историко-культурной и религиозной идентичности, экономического развития страны. По мнению автора, проблема выживания и дальнейшего упрочения исламского режима после завершения войны в условиях сохраняющегося многолетнего недовольства масс методами правления страны неизбежно потребует ускорения и углубления процесса преобразований, движения правящего режима в сторону большей открытости и светскости; в любом из возможных случаев страны Центральной Азии (ЦА) сталкиваются со множеством экономических и политических проблем с негативным потенциалом воздействия на нынешнее состояние и перспективы развития региона ЦА. С учётом сказанного, избранные методы включают системно-стратегический, конструктивистский и экономический подходы с основой на эмпирические данные. Анализ политических процессов внутри и вокруг Исламской Республики в изучаемый период, использование последних данных и теоретических подходов, многоуровневый подход определяют оригинальность статьи. Результаты исследования демонстрируют, что вопреки всему исламский режим пока достаточно устойчив и способен оказать сопротивление внутренней и внешней оппозиции, трансформироваться в сторону большей либерализации и светскости, что не снимает с повестки дня рост региональных и глобальных вызовов в регионе Центральной Азии.

Ключевые слова: Иран, Центральная Азия, внутривнутриполитический кризис, геополитическая борьба, вызовы и угрозы

Для цитирования: Юлдашева Гули Исмадуллаевна Иранский кризис (дек. 2025 – март 2026) и его влияние на Центральную Азию // Восток (Orientis). 2026. № 4. С. 24–25. DOI: 10.31696/S086919080039162-5

Статья на сайте

IRANIAN CRISIS (DECEMBER 2025 – MARCH 2026) AND ITS IMPACT ON CENTRAL ASIA

© 2026

GULI YULDASHEVA*

Abstract. *The article investigates main reasons and factors of the crisis in and around Islamic Republic of Iran in December 2025–March 2026, the current war against Iran started by the US and Israel, its political and economic outcomes and influence on Central Asia. In the complex international situation, being on the edge of the global catastrophe, there is no unified position on Iran's future. The future new world order depends on the crisis outcome and interested powers' strategies. Special attention is paid therefore to interaction and mutual influence of various factors in Iran's development, including its ethno-national, historical, cultural, religious and economic development features. It is stated that the problem of survival and further consolidation of the Islamic regime after the war, in conditions of the continuing long-term mass discontent with the country management, will inevitably require acceleration and deepening of the transformation process, the ruling regime's shift towards greater openness and secularism. In any case, CA countries face a multitude of economic and political problems with a negative potential impact on the current state and prospects of regional development. The selected methods include systemic strategic, constructivist, and economic approaches based on empirical data. The subject of analysis during the period under study, the latest data and theoretical approaches, multi-level approach define the article's originality. The findings demonstrate that the Islamic regime is still fairly stable and capable of resisting internal and external opposition, transforming toward greater secularization. This does not remove the issue of growing regional and global challenges in Central Asia.*

Keywords: *Iran, Central Asia, crisis, geopolitical struggle, challenges*

DOI: 10.31696/S086919080038804-1

АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС ЭКОНОМИКИ КИТАЯ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ В МИРОВЫХ СОПОСТАВЛЕНИЯХ

© 2026

КАРЛУСОВ ВЯЧЕСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ*

* – Московский государственный институт международных отношений (университет)
ORCID: 0000-0003-2632-1542; vk5577@yandex.ru

© 2026

ЯРКОВ ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ*

* – Московский государственный институт международных отношений (университет)
ORCID: 0000-0003-2323-8591; eguoren@mail.ru

Резюме. В статье с методологических позиций системного анализа национальной и мировой экономик, международных экономических отношений, рассмотрен общий ресурсный потенциал и современная стадия развития агропромышленного комплекса (АПК) экономики современного Китая в мировых сопоставлениях. При этом проанализирована ресурсно-сырьевая база основных отраслей сельского хозяйства КНР – растениеводства, животноводства и водного промысла, включая компаративную оценку соответствующих показателей в их абсолютном и подушевом измерениях. В частности, дан ретроспективный анализ площади пашни и обеспеченности ей населения страны за последние шесть десятилетий, динамики структуры посевной площади по основным видам культур, места Китая в мировой площади пастбищ, поголовье скота и птицы, природных ресурсах развития аквакультуры, отлова дикой рыбы и морепродуктов. Осуществлено компаративное исследование структуры и динамики производства основных отраслей АПК КНР. Представлен авторский анализ сопоставления объемов производства, экспорта и импорта агропромышленной продукции Китаем. Выявлены основные тенденции и перспективы, а также проблемы развития АПК КНР, связанные с воздействием внутренних и внешних факторов и обстоятельств. В результате осуществленного анализа сделан ряд конкретных выводов и обобщений, в частности, констатируется, что тогда как по абсолютным показателям Китай располагает одной из крупнейших в мире ресурсно-производственных баз национального АПК, по соответствующим подушевым показателям эта многонаселенная страна не обладает достаточным внутренним ресурсным потенциалом для полного самообеспечения. В силу этих обстоятельств по основным номенклатурным позициям агропромышленной продукции, особенно по масличным и зерновым культурам, КНР является или весьма близка к статусу нетто-импортера. Потребность решения продовольственной проблемы, как и высокая импортная зависимость Китая по продукции АПК, являются мощными стимулами и факторами развития и экспортной ориентации производства другими крупными агропромышленными державами мира, заинтересованными в расширении рынков сбыта, в частности Россией.

Ключевые слова: Китай, АПК, ресурсный потенциал, производство, экспорт, импорт, мировые сопоставления, проблемы, перспективы

Для цитирования: Карлусов Вячеслав Всеволодович, Яков Дмитрий Андреевич Агропромышленный комплекс экономики Китая: системный анализ в мировых сопоставлениях // Восток (Oriens). 2026. № 4. С. 26–27. DOI: 10.31696/S086919080038804-1

Статья на сайте

AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE CHINESE ECONOMY: SYSTEM ANALYSIS IN GLOBAL COMPARISONS

© 2026

VYACHESLAV KARLUSOV*

© 2026

YARKOV DMITRY*

Abstract. *The article examines the total resource potential and the current stage of development of the agro-industrial complex(AIC) of the economy of modern China in global comparison from the methodological standpoint of a system analysis of national and global economies, international economic relations. A comparative study of the structure and dynamics of production of the main branches of the agro-industrial complex of China has been carried out. The author's analysis of the comparison of production volumes, exports and imports of agricultural products by China is presented. The main trends and prospects, as well as problems of the development of the agro-industrial complex of China, related to the impact of internal and external factors and circumstances, are identified. As a result of the analysis, a number of specific conclusions and generalizations were made, in particular, it was stated that while in absolute terms China has one of the world's largest resource and production bases of the national agro-industrial complex, according to the corresponding per capita indicators, this populous country does not have sufficient internal resource potential for full self-sufficiency. Due to these circumstances, according to the main nomenclature items of agro-industrial products, especially oilseeds and cereals, China is or is very close to the status of a net importer. The need to solve the food problem, as well as China's high import dependence on agricultural products, are powerful incentives and factors for the development and export orientation of production by other major agro-industrial powers of the world interested in expanding sales markets, in particular Russia.*

Keywords: *China, agro-industrial complex, resourcepotential, production, export, import, globalcomparisons, problems, prospects*

DOI: 10.31696/S086919080037692-8

«СУТРА ЛОТОСА» В ДИАЛОГЕ БУДДИЗМА И ПОЭЗИИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЯПОНИИ

© 2026

ФЕДЯНИНА ВЛАДЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА*

* – Московский городской педагогический университет

ORCID: 0000-0003-2914-043X; fedyaninava@mgpu.ru

Резюме. «Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы» (далее «Сутра Лотоса») – один из основополагающих текстов буддизма, пришедшего в Японию в середине VI в. Доктринальная составляющая, темы, образы, мотивы и идеи этой сутры пронизывают многие аспекты японской культурной и религиозной жизни, традиционной и современной. Настоящее исследование ставит целью проанализировать процесс адаптации и контекстуализации «Сутры Лотоса» в японской культуре в VIII – начале XIII вв. на материале поэзии на родном, японском, языке, в стихотворениях вака. В работе применяется комплексный подход, объединяющий культурно-исторический метод с текстологическим и интертекстуальным анализом. Такой подход позволяет проследить основные пути репрезентации идей сутры в поэзии в соответствии с японской культурной традицией и выявить трансформацию этих путей репрезентации по мере японизации буддийских ритуалов и понимания поэзии, аристократической и народной, как буддийской практики. В настоящем исследовании на конкретных примерах описываются возможности японской поэзии в художественном отражении учения «Сутры Лотоса», в ее переложении на язык традиционных образов и привычных японцам понятий. На основании источников VIII – начала XIII вв. (корпуса поэтических произведений, императорских антологий и частных поэтических собраний, указанного периода) выделены основные периоды в процессе адаптации «Сутры Лотоса» в японской поэзии. Это 1) появление поэзии на японском языке, вдохновленной сутрой; 2) создание циклов стихотворений по двадцати восьми главам сутры с использованием традиционных приемов японской поэзии; 3) развитие придворной и народной поэзии по темам сутры и включение этих вака в поэтический канон и в официальные императорские антологии; 4) понимание поэтической деятельности в рамках буддийского мировоззрения, появление новой теории японской поэзии и трактовка стихосложения на темы сутры как действенного пути к достижению просветления.

Ключевые слова: «Сутра Лотоса», японская поэзия, стихотворения вака, «песни об учении Будды» сяккё:ка, «песни радости» хо:раку

Для цитирования: Федянина Владлена Анатольевна «Сутра Лотоса» в диалоге буддизма и поэзии в средневековой Японии // Восток (Oriens). 2026. № 4. С. 28–29. DOI: 10.31696/S086919080037692-8

Статья на сайте

THE “LOTUS SUTRA”: THE DIALOGUE BETWEEN BUDDHISM AND POETRY IN MEDIEVAL JAPAN

© 2026

VLADLENA FEDIANINA*

Abstract. *The “Wonderful Dharma Lotus Flower Sutra” (further the “Lotus Sutra”) is one of the fundamental texts of Buddhism, which came to Japan from the mainland in the middle of the 6th century. The profound and multifaceted doctrinal elements, core ideas and potent symbols and motifs intrinsic to the “Lotus Sutra” have deeply permeated many aspects of Japanese culture, traditional and modern. This article examines how the “Lotus Sutra” was interpreted in the Japanese culture from the 8th to early 13th centuries, drawing on Japanese waka poetry. The comprehensive approach combining the cultural historical method with textual and intertextual analysis enables us to trace the ways in which sutra’s ideas were represented in poetry. The article outlines how Japanese poetry was ascribed a capacity to articulate the teachings of the “Lotus Sutra”, directly and figuratively. The study focuses on primary sources: poetry written in Japanese from the 8th to early 13th centuries. By analyzing these poems, the author has identified the main periods in the process of adapting the Lotus Sutra into Japanese poetry. They are: 1) the origins of Japanese-language poetry inspired by the sutra; 2) the earliest poetry cycles on the twenty-eight chapters of the sutra; 3) poems based on the “Lotus Sutra” incorporated into the established canonical repertoire of the Japanese waka tradition and the evolution of both court and folk poetry; 4) a new theory of Japanese poetry that reconfigured these poems not as mere art, but as a vehicle for spiritual awakening.*

Keywords: *the “Lotus Sutra”, Japanese poetry, waka poems, poems on Śākyamuni’s teachings shakkyōka, “Dharma joy” hōraku poems*

DOI: 10.31696/S086919080039446-7

СЕМЕЙНЫЕ ПРАВА ЖЕНЩИН В ИРАНЕ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ ПЕХЛЕВИ (1925–1979 ГГ.)

© 2026

ТАРАСОВА СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА*

*– Институт востоковедения

ORCID: 0009-0000-6601-5000; svetlana.sepideh@gmail.com

Резюме. В настоящей статье рассматривается эволюция семейных прав женщин в Иране на протяжении периода правления двух шахов династии Пехлеви. Особый акцент делается на законодательные источники: поправки к Конституции касательно женщин из правящей династии, Уголовный кодекс 1926 г., Гражданский кодекс 1928 г., Закон об отмене рабства 1929 г., Закон о семье 1931 г., а также Законы о защите семьи 1967 и 1975 гг. При анализе перечисленных источников использованы их оригинальные версии на персидском языке, а также даны ссылки на конкретные статьи того или иного закона. Семейные права рассматриваются в плане безопасности женщин, их прав на заключение разных видов брака, назначение и получение махра, развод и опеку над детьми, наследство и материальную защищённость в условиях заключённого брака. Автор подчёркивает те случаи, когда права женщины явно уступают правам мужчины. Внимание уделяется и проблеме многожёнства как одному из признаков гендерного неравенства, подчёркивается слабая юридическая проработка данного явления. Отдельный раздел статьи посвящён фактическому положению женщин в иранской семье. В качестве примера были выбраны семьи двух последних иранских правителей династии Пехлеви – Реза-шаха и его сына Мохаммад-Реза-шаха – как наиболее заметных исторических персон рассматриваемого периода. Используя аутентичную иранскую историографию, автор приводит подробности их личной жизни с тем, чтобы показать фактическое положение в их семьях женщин – матерей, жён и сестёр – в их ситуации зависимости от главного мужчины в семье. По итогу автор статьи делает вывод, что несмотря на пристальное внимание властей к вопросу семейного положения женщин и постоянное расширение соответствующей законодательной базы, иранское общество периода Пехлеви сохраняло свою патриархальность и оставалось тесно связанным с культурной и религиозной традицией.

Ключевые слова: права женщин, Иран, Пехлеви, гендерное неравенство, махр, иранская семья

Для цитирования: Тарасова Светлана Александровна Семейные права женщин в Иране в период правления династии Пехлеви (1925–1979 гг.) // Восток (Oriens). 2026. № 4. С. 30–31. DOI: 10.31696/S086919080039446-7

Статья на сайте

WOMEN'S FAMILY RIGHTS IN IRAN DURING THE REIGN OF PEHLEVI DYNASTY

© 2026

SVETLANA TARASOVA*

Abstract. The article explores the evolution of women's family rights during the reign of two Pehlevi shahs. Special emphasis is placed on juridical sources: amendment to the Constitution regarding women

of the dynasty, Criminal Code 1926, Civil Code 1918, Slavery abolition act 1929, Family law 1931 and also Bills on family protection 1967 and 1975. For the analysis of these sources their original versions in Persian have been used and the references of the specific articles are given. Family rights are considered concerning to women's safety, their rights of conclusion of different kinds of marriages, assignment and obtaining of mahr; divorce and custody of children, inheritance and financial security. The author emphasizes the cases when women's rights are limited by those of men. Attention is also paid to such a problem as polygyny as one of the features of inequality and a weak legal assessment of the phenomenon is stressed. One of the parts of the article is devoted to the role of women in Iranian family. For the examples the two Pehlevi shahs' families are considered as these rulers are the most prominent historical figures of the period. By using mostly original historiography the author outlines the facts of their private lives to show the position of women in the conditions of dependence on the main man in the family. Overall the author comes to the conclusion that the Iranian society in the Pehlevi period had remained its patriarchal character and was closely connected with cultural and religious traditions.

Keywords: *Women's rights, Iran, Pehlevi, gender inequality, mahr, Iranian family*

DOI: 10.31696/S086919080038841-2

POLITENESS IN CHINESE DIPLOMATIC DISCOURSE: CROSS-CULTURAL ASPECTS AND TRANSLATIONAL CHALLENGES

© 2026

ЖУНИСБЕК ЛИНА*

*– Казахский национальный университет им. Аль-Фараби
ORCID: 0009-0007-4382-3911; zhunisbek.lina@gmail.com

© 2026

ДАУЛЕТ ФАТИМАБИБИ НОГАЙКЫЗЫ*

*– Казахский национальный университет им. Аль-Фараби
ORCID: 0000-0002-1926-0502; maria_alex_00@mail.ru

© 2026

СЮЙ АЯНА*

*– Университет Кларка
ORCID: 0009-0003-4481-2713; asyuy@clarku.edu

Резюме. *The present article examines politeness strategies of Chinese diplomacy as the culturally particular system of semantic and pragmatic means intended to ensure smooth international communication. The focus is on the cross-cultural character of politeness strategies and on the challenges of rendering Chinese diplomatic tone markers into English and Russian. The problem is urgent because there is still a limited number of comparative studies that cover lexical-semantic, pragmatic and other dimensions of translation of politeness in Chinese diplomatic discourse, which is particularly relevant in the context of globalization.*

The methodology of the research includes conceptual-pragmatic analysis of contemporary Chinese formal diplomatic papers (2019-2025) and comparative analysis of their English and Russian equivalents. The analysis reveals that the most significant structural, semantic, and pragmatic features of Chinese diplomatic politeness are honorific nominations, euphemisms, hedging, and indirect constructions. The analysis shows that literal translation results in the loss of meaning and pragmatics particularly when the transfer involves culturally-specific aspects of politeness such as those pertaining to harmony, hierarchy and relational empathy. According to the results obtained, Chinese diplomatic politeness is a particular communicative model, which is focused on the preservation of harmony, hierarchy and face in international relations. The outcomes of this study can be applied to develop translation theory and intercultural communication by clarifying the cultural rationale of Chinese diplomatic discourse and giving useful instructions to translator education and cross-cultural adaptation of politeness strategies.

Ключевые слова: *diplomatic discourse; politeness strategies; face-work; translation; cross-cultural pragmatics; trilingual comparison*

Для цитирования: Жунисбек Лина, Даулет Фатимабиби Ногайкызы, Сюй Аяна *Politeness in Chinese Diplomatic Discourse: Cross-Cultural Aspects and Translational Challenges* // Восток (Orient). 2026. № 4. С. 32–33. DOI: 10.31696/S086919080038841-2

Статья на сайте

POLITENESS IN CHINESE DIPLOMATIC DISCOURSE: CROSS-CULTURAL ASPECTS AND TRANSLATIONAL CHALLENGES

© 2026

LINA ZHUNISBEK*

© 2026

FATIMABIBI DAULET*

© 2026

AYANA SYUY*

Abstract. *The present article examines politeness strategies of Chinese diplomacy as the culturally particular system of semantic and pragmatic means intended to ensure smooth international communication. The focus is on the cross-cultural character of politeness strategies and on the challenges of rendering Chinese diplomatic tone markers into English and Russian. The problem is urgent because there is still a limited number of comparative studies that cover lexical-semantic, pragmatic and other dimensions of translation of politeness in Chinese diplomatic discourse, which is particularly relevant in the context of globalization.*

The methodology of the research includes conceptual-pragmatic analysis of contemporary Chinese formal diplomatic papers (2019-2025) and comparative analysis of their English and Russian equivalents. The analysis reveals that the most significant structural, semantic, and pragmatic features of Chinese diplomatic politeness are honorific nominations, euphemisms, hedging, and indirect constructions. The analysis shows that literal translation results in the loss of meaning and pragmatics particularly when the transfer involves culturally-specific aspects of politeness such as those pertaining to harmony, hierarchy and relational empathy. According to the results obtained, Chinese diplomatic politeness is a particular communicative model, which is focused on the preservation of harmony, hierarchy and face in international relations. The outcomes of this study can be applied to develop translation theory and intercultural communication by clarifying the cultural rationale of Chinese diplomatic discourse and giving useful instructions to translator education and cross-cultural adaptation of politeness strategies.

Keywords: *diplomatic discourse; politeness strategies; face-work; translation; cross-cultural pragmatics; trilingual comparison*

DOI: 10.31696/S086919080037845-6

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАЗАХСТАНА В 1989–2021 ГГ.

© 2026

АЛЕКСЕЕНКО АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ*

*– Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева
ORCID: 0000-0002-1169-412X; alalexeenko56@gmail.com

© 2026

САРСЕМБАЕВА ГУЛЬЖАН АЛИБЕКОВНА*

*– Восточно-Казахстанский университет имени Сарсена Аманжолова
ORCID: 0000-0003-1371-1656; gulzhan1974@mail.ru

© 2026

КРАСНОБАЕВА НЕЛЛИ ЛЕОНИДОВНА*

*– Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева
ORCID: 0000-0002-9081-0191; krasn_nelli@mail.ru

© 2026

ОМЫРЗАК ТАМЕРЛАН ЕРЖАНУЛЫ*

*– Евразийский национальный университет им. Л. Гумилева
ORCID: 0000-0002-2295-8741; jugger_515@mail.ru

Резюме. По данным переписи населения 1989 г. казахи, в массе своей проживавшие в сельской местности, составляли лишь 40 % жителей Казахской ССР. Большинство населения, особенно в городах, были русские. Этап разрушения советской полиэтнической демографической системы пришёлся на 1990-е гг. К концу десятилетия этнический состав Казахстана существенно изменился в сравнении с 1989 г. Большинство населения, в том числе и в городах, являлись казахи, демографическое поведение которых во многом определялось сохранившимися традиционными представлениями о семье, количестве детей в ней. Эти представления получили всемерную поддержку государства и стали важной частью стратегии развития республики. Понятия «высокая рождаемость», «многодетная семья» воспринимались как социокультурное достояние, вне социально-экономического контекста. В значительной мере это было причиной появления т.н. казахстанского демографического феномена, когда на фоне массовой урбанизации, роста образования, занятости женщин, рождаемость в Казахстане росла быстрыми темпами, в первую очередь в городах. Высокие темпы естественного прироста также были обусловлены процессом «этнической смены» в репродуктивно активных группах населения. Но демографические показатели, сложившиеся на этом этапе, не являются тенденцией, способной определять ситуацию в длительной перспективе. В настоящее время потенциал эффекта «этнической смены» фактически исчерпан, демографическую динамику почти полностью определяют казахи. И неясно, как будет действовать демографическая система в период становления её моноэтничности. На взгляд авторов, моноэтничность довольно быстро приведёт к снижению показателей воспроизводства, в первую очередь рождаемости. Демографические процессы всё более явно определяет поколение казахской молодёжи, родившейся и социализировавшейся в городах Казахстана. Представления о семье и числе детей в ней у молодых людей

рациональны и существенно отличаются от представлений старших поколений, формировавшихся под влиянием национально-патриотической идеи.

Ключевые слова: Казахстан, демография, численность и этнический состав, воспроизводство, миграции, возрастная структура

Для цитирования: Алексеев Александр Николаевич, Сарсембаева Гульжан Алибековна, Краснобаева Нелли Леонидовна, Омырзак Тамерлан Ержанулы. Этно-демографическое развитие Казахстана в 1989–2021 гг. // Восток (Oriens). 2026. № 4. С. 34–35. DOI: 10.31696/S086919080037845-6

Статья на сайте

ETHNODEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF KAZAKHSTAN IN 1989–2021

© 2026

ALEXANDER ALEKSEENKO*

© 2026

GULZHAN SARSEMBAYEVA*

© 2026

NELLI KRASNOBAYEVA*

© 2026

TAMERLAN OMIRZAK*

Abstract. According to the 1989 census, Kazakhs, who for the most part lived in rural areas, made up only 40 % of the inhabitants of the Kazakh SSR. The majority of the population, especially in cities, was Russian. The stage of destruction of the Soviet multi-ethnic demographic system occurred in the 1990s. By the end of the decade, the ethnic composition of Kazakhstan changed significantly compared to 1989: the majority of the population was Kazakhs, whose demographic behavior was largely determined by the traditional family values they preserved, including the view on the ideal number of children. These ideas received full support from the state and became an important part of the republic's development strategy. The concepts of "high birth rate," "large family" were perceived as a socio-cultural property, outside the socio-economic context. High rates of natural growth were also due to the process of ethnic change in reproductively active populations. However, the demographic indicators that have developed at this stage are not a trend that can determine the situation in the long term. Currently, the potential of the ethnic change effect has actually been exhausted, the demographic dynamics are almost completely determined by the Kazakhs. It is unclear how the demographic system will operate while the society is becoming mono-ethnic. The authors believe that mono-ethnicity will quickly lead to a decrease in reproduction rates, primarily in fertility. Demographic processes are increasingly clearly determined by the generation of Kazakh youth born and socialized in the cities of Kazakhstan.

Keywords: Kazakhstan, demographics, size and ethnic composition, reproduction, migrations, age structure

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Статья выполнена в рамках реализации грантового научного проекта ИРН AP26198933 «Восток Казахстана: траектории социально-демографической и социокультурной трансформации городского пространства Семей и Усть-Каменогорска», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

DOI: 10.31696/S086919080038784-9

САМОЗАНЯТОСТЬ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ В МЕГАПОЛИСАХ КАЗАХСТАНА КАК ФАКТОР УСКОРЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ

© 2026

ДОДОНОВ ВЯЧЕСЛАВ ЮРЬЕВИЧ*

* – Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан
ORCID: 0000-0003-0741-417X; dodonovv@mail.ru

Резюме. В настоящее время в Казахстане идут активные процессы внутренней миграции, прежде всего, миграции из сельской местности в города. Активизация этих процессов вызвана как выталкивающими факторами, связанными с сокращающейся ролью сельского хозяйства в экономике, так и факторами притяжения мигрантов, такими, как лучшие возможности трудоустройства и более высокий уровень жизни в городской местности. Процессы внутренней миграции в Казахстане значительно ускорились в последние несколько лет, при этом основной поток мигрантов из сельской местности направлен в два мегаполиса страны – Алма-Ату и Астану. В этот же период в этих городах значительно возросла численность самозанятого населения, чего ранее не наблюдалось. Это позволило сделать предположение о том, что возросшие возможности трудоустройства в мегаполисах в качестве самозанятых стали новым и основным фактором притяжения для внутренних мигрантов в Казахстане. В свою очередь, активный рост численности самозанятых в мегаполисах может объясняться активными процессами внедрения информационных технологий (цифровизацией) в ряде ключевых отраслей сферы услуг, которые создают дополнительный спрос на рабочую силу, заполняемый, в том числе, мигрантами. Для оценки данных предположений в статье проведен сравнительный и корреляционный анализ показателей чистой миграции, численности самозанятого населения, отраслевой структуры рынка труда, количества организаций, использующих продажу товаров и услуг онлайн для двух мегаполисов Казахстана, а также некоторых других. Проведенный анализ позволил подтвердить гипотезу о влиянии процессов цифровизации на рост рынка труда в отраслях с высокой долей самозанятого населения и, как следствие – на ускорение процессов внутренней миграции, прежде всего, сельского населения в крупнейшие города страны. Исследование направленности внутренних миграционных потоков, кроме того, позволило квалифицировать процессы перемещения мигрантов из сельской местности Казахстана как мегаполизацию, а не урбанизацию.

Ключевые слова: внутренняя миграция, сельские мигранты, мегаполизация, самозанятость, сфера услуг, цифровизация

Для цитирования: Додонов Вячеслав Юрьевич Самозанятость и цифровизация в мегаполисах Казахстана как фактор ускорения внутренней миграции // Восток (Oriens). 2026. № 4. С. 36–37. DOI: 10.31696/S086919080038784-9

Статья на сайте

SELF-EMPLOYMENT AND DIGITALIZATION IN KAZAKHSTAN'S MEGACITIES AS A FACTOR OF INTERNAL MIGRATION ACCELERATION

© 2026

VYACHESLAV DODONOV*

Abstract. *Kazakhstan is experiencing intensive internal migration processes. They are caused by both push factors related to the shrinking role of agriculture and pull factors of better employment opportunities in urban areas. In Kazakhstan, the processes of internal migration, predominantly rural-urban migration, have significantly accelerated over the last few years. The main flow of migrants is directed to the country's two megacities, where the number of self-employed has increased significantly during the same period, which was not observed before. This allowed to propose the hypothesis that the growing opportunities to work as self-employed individuals have become a new and major pull factor for migrants. In turn, the active development of self-employment can be linked to the digitalization of some service industries, which has created an additional demand for a workforce that migrants fill. To assess these assumptions, the article conducts a comparative and correlational analysis of net migration indicators, the number of self-employed people, the sectoral structure of the labor market, and the number of organizations selling goods and services online for two megacities in Kazakhstan, as well as several others. The analysis confirmed the hypothesis that digitalization processes influence labor market growth in sectors with a high proportion of self-employed people and, as a result, accelerate internal migration, primarily of the rural population to the country's largest cities. The study of the direction of internal migration flows has also made it possible to qualify the processes of migrant movement from rural areas of Kazakhstan as megapolization rather than urbanization.*

Keywords: *internal migration, rural migrants, megapolization, self-employment, service sector, digitalization*

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Проект программно-целевого финансирования КН МНВО РК BR27195711 «Социально-политические процессы в Казахстане (1980–2020): опыт демократизации и становления Справедливого государства».

DOI: 10.31696/S086919080039111-9

ТУВИНЦЫ КИТАЯ В XXI ВЕКЕ: ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И РОДОВОЙ ДИСКУРС

© 2026

ЮША ЖАННА МОНГЕЕВНА*

* – Музей антропологии и этнографии РАН

ORCID: 0000-0002-4076-4553; zhanna-yusha@yandex.ru

Резюме. Этнические тувинцы Китая проживают в многонациональном Алтайском аймаке Или-Казахской области Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, расположенного в северо-западной части страны. Китайские тувинцы, несмотря на то, что живут в отрыве от материнского этноса, в иноэтнической среде продолжают сохранять идентичность, сплоченность, язык и народную культуру. В работе показано современное дисперсное расселение китайских тувинцев, проживающих в семи населенных пунктах Алтайского аймака. Выявлены случаи миграций тувинского населения в города районного значения, вызванные закрытием средних школ в деревнях их постоянного проживания. Охарактеризован современный этнический состав тувинцев, состоящий из 11 родоплеменных групп, в котором встречаются случаи распада групп на мелкие родовые подразделения, а также объединение некоторых родовых групп в одну большую сеок. Отмечено, что большинство родоплеменных групп имеется у тувинцев Монголии и России, что указывает на их общность, длительное совместное проживание. Однако у тувинцев Монголии больше совпадений, для них характерны наличие таких же родовых подразделений, в то время как у тувинцев России некоторые отсутствуют. Рассмотрены представления о родовой группе, содержащие архаические воззрения о том, что люди одного рода имеют не только одинаковую кровь, но и одинаковые кости, из-за чего существуют определенные запреты и правила экзогамии, которые действуют в тувинской среде по настоящее время в условиях иноэтнического окружения. В устной традиции тувинцев изучен родовой дискурс, который представлен преданиями о родоплеменных группах и их подразделениях, о первопредках родовых групп и об истории происхождения родов, которые принимаются слушателями за достоверные сведения. В исторических преданиях повествуется о недавно существовавшей обрядовой практике, посвященной разрыву кровных связей между подразделениями одного рода, а также о случаях вхождения других народов в этнический состав тувинцев.

Ключевые слова: тувинцы Китая, анклавная традиция, современное расселение, представления о родовой группе, этнический состав, родовой дискурс

Для цитирования: Юша Жанна Монгеевна Тувинцы Китая в XXI веке: этнический состав и родовой дискурс // Восток (Oriens). 2026. № 4. С. 38–39. DOI: 10.31696/S086919080039111-9

Статья на сайте

TUVANS OF CHINA IN THE 21ST CENTURY: ETHNIC COMPOSITION AND GENERIC DISCOURSE

© 2026

ZHANNA YUSHA*

Abstract. *Ethnic Tuvans of China are a small group living in the multinational Altai Aimag or Kazakh region of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of People's Republic of China. Chinese Tuvans, despite the fact that they live in isolation from their mother ethnic group, continue to preserve their identity, unity, language and folk culture in a non-ethnic environment. The paper shows the modern dispersed settlement of Chinese Tuvans living in seven settlements of the Altai Aimag. The modern ethnic composition of Tuvans, consisting of 11 tribal groups, is characterized, in which there are cases of groups breaking up into small tribal divisions, as well as the unification of some tribal groups into one large group. It is noted that the Tuvans of Mongolia and Russia have the majority of tribal groups, which indicates their commonality and long-term cohabitation. However, the Tuvans of Mongolia have more similarities; they are characterized by the presence of the same generic divisions. The ideas about the ancestral group are considered, containing archaic views that people of the same genus have the "same bones and blood", which is why there are certain prohibitions and rules of exogamy that operate in the Tuvan environment to this day. In the oral tradition of Tuvans, the tribal discourse has been studied, which is represented by legends about tribal groups and their divisions, the first ancestors of the tribal group and the history of the clans' origin, which are accepted by listeners as reliable information.*

Keywords: *Tuvans of China, the enclave tradition, modern settlement, views on the tribal group, ethnic composition, generic discourse*

DOI: 10.31696/S086919080038805-2

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЫТ НЕИЗМЕННЫЙ, КАК И ПРИРОДА»: ЦИВИЛИЗАТОРСТВО В РУССКОМ ТУРКЕСТАНЕ

© 2026

ALIMDJANOV BAKHTIYOR АБДИХАКИМОВИЧ*

*– Институт антропологии АН РУз

ORCID: 0000-0002-8251-0201; balimdjjanov@gmail.com

© 2026

АКБАРОВА КАМИЛА ШУХРАТ КИЗИ*

*– Институт антропологии АН РУз

ORCID: 0009-0005-9126-1189; kaybruma@gmail.com

Резюме. Статья посвящена анализу концепций русского цивилизаторства в Средней Азии во второй половине XIX – начале XX в. через призму взглядов знатоков региона: В. Григорьева, Н. Петровского, В. Наливкина и Н. Остроумова. Авторы реконструируют эволюцию цивилизаторского дискурса от просветительских иллюзий 1840–1860-х гг., где пресса видела в России посредника европейского «света» для «застойных» азиатских обществ, до прагматических сомнений конца XIX в., когда газета «Окраина» (1891 г.) подчеркивала экономические мотивы завоевания Средней Азии вместо культурной миссии. Цель исследования – сравнительный анализ взглядов четырех имперских экспертов (В. Григорьева, Н. Петровского, В. Наливкина, Н. Остроумова) как репрезентативных голосов цивилизаторского дискурса в Русском Туркестане. Метод включает контекстуализацию текстов (письма, записки, публицистика 1867–1916 гг.) в имперской прессе («Москва», «Туркестанские ведомости», «Туркестанский курьер», «Окраина») и архивных фондах (РГИА, ИВР РАН, ОР РНБ) для реконструкции эволюции концепций цивилизаторства от идеологических иллюзий к прагматическим сомнениям. Новизна заключается в первой систематической компаративной реконструкции цивилизаторского дискурса через тандем четырех имперских исследователей региона (В. Григорьева, Н. Петровского, В. Наливкина, Н. Остроумова), противопоставляя их взгляды как спектр от «мягкого» (невмешательство, пессимизм) к «жесткому» (законность, русификация) моделям. В отличие от постколониальных интерпретаций, фокусирующихся на элитах или ориентализме (С. Горшенина, А. Миллер), исследование вводит архивные письма Н. Петровского (ИВР РАН, ОР РНБ) как источник критики административного провала, объясняющий разрыв между дискурсом и практикой. Дискурс-анализ семантики («игнорирование» ислама vs. миссионерство) дополняет западные нарративы (А. Моррисон, У. Хофмайстер) локальными кризисами (восстания 1898 и 1916 гг.) как маркерами амбивалентности, предлагая модель «дискурсивного цивилизаторства» как предтечи советских политик. Выводы исследования: русское цивилизаторство оставалось сферой дискуссий среди востоковедов, не реализовавшись на практике из-за административного хаоса и локальных кризисов, при этом подготовив почву для советских экспериментов.

Ключевые слова: Российская империя, Русский Туркестан, цивилизаторство, культура, нарратив, ориентализм

Для цитирования: Alimdjjanov Bakhtiyor Абдирахимович, Акбарова Камила Шухрат кизи «Политический быт неизменный, как и природа»: цивилизаторство в Русском Туркестане // Восток (Oriens). 2026. № 4. С. 40–41. DOI: 10.31696/S086919080038805-2

Статья на сайте

“POLITICAL LIFE UNCHANGEABLE, LIKE NATURE”: CIVILIZATION IN RUSSIAN TURKESTAN

© 2026

BAKHTIYOR ALIMDJANOV*

© 2026

KAMILA AKBAROVA*

Abstract. *The article examines Russian “civilizing mission” concepts in Central Asia in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries through the lens of four key experts: V. Grigor’ev, N. Petrovsky, V. Nalivkin, and N. Ostroumov. The aim of the study is a comparative analysis of the views of these four imperial experts, whose writings represent distinct and influential voices within the civilizing discourse of Russian Turkestan. The methodology includes contextualizing their texts (letters, memoranda, and journalistic writings produced between 1867 and 1916) as they appeared in the Imperial press and in archival collections. The article’s contribution lies in presenting the first systematic comparative reconstruction of the civilizing discourse. It contrasts their positions across a spectrum ranging from “soft” models (nonintervention, cultural pessimism) to “hard” ones (legalist governance, Russification), a perspective absent from existing biographical or thematic studies. Unlike postcolonial interpretations that focus on elites or Orientalism, this study introduces the archival correspondence of Petrovsky as an underutilized source of criticism of administrative failure, highlighting the gap between discourse and practice. The comparative method juxtaposes “soft” (Grigor’ev’s noninterventionism, Nalivkin’s cultural pessimism) and “hard” (Petrovsky’s legalism, Ostroumov’s missionary agenda) models, revealing the persistent mismatch between discourse and practice, particularly visible in the crises of 1898 and 1916. The study concludes that the Russian civilizing mission remained largely a theoretical and contested construct among Orientalists, never fully implemented in practice due to administrative disorder and local crises, and ultimately laying the groundwork for later Soviet experiments.*

Keywords: *Russian Empire, Russian Turkestan, civilizing mission, culture, narrative, Orientalism*

DOI: 10.31696/S086919080039165-8

ОРГАНИЗАЦИЯ ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ

© 2026

БДОЯН ДАВИД ГУРГЕНОВИЧ*

*– МГИМО МИД России

ORCID: 0000-0002-2810-3808; d.g.bdoyan@gmail.com

© 2026

МАНАШИРОВ ЭЛЬДАР СОЛОМОНОВИЧ*

*– НИУ ВШЭ

ORCID: 0009-0008-4453-4051; manashirov25@gmail.com

Резюме. С приходом к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР) Анкара начала вести независимую и проактивную внешнюю политику в сопредельных регионах. Одна из ключевых внешнеполитических целей Р.Т. Эрдогана заключается в достижении регионального лидерства на территориях бывшей Османской империи и превращение Турции в лидера как мусульманского, так и тюркского мира. В связи с этим в 2009 г. в Нахичеване лидеры Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Турции подписали соглашение о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркский совет). В конце 2021 г. на саммите в Стамбуле Тюркский Совет был переименован в Организацию Тюркских Государств (ОТГ). В эту организацию в настоящее время входят Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Турция и Узбекистан, наблюдателями являются Венгрия, Туркменистан и частично признанный Северный Кипр. Усиление влияния Турции в тюркском мире, особенно в постсоветских тюркоязычных республиках, напрямую затрагивает интересы Российской Федерации, что, в свою очередь, приводит к ещё большему усложнению двусторонней повестки. В статье анализируется процесс институционализации сотрудничества тюркоязычных стран в рамках Организации тюркских государств и её воздействие на современный этап российско-турецких отношений. Рассматривается эволюция пантюркистских идей и их трансформация в интеграционный проект «неопантюркизма», где Турция стремится занять лидирующие позиции. Исследуется двойственный характер влияния ОТГ на отношения между Москвой и Анкарой, который одновременно создаёт новые точки для геополитического соперничества в Центральной Азии и на Южном Кавказе, но не отменяет прагматического партнёрства в других сферах. Делается вывод, что ОТГ становится важным фактором, усложняющим и без того многогранное взаимодействие России и Турции, формируя модель «конкурентного сотрудничества», где обе державы вынуждены постоянно балансировать между соперничеством за влияние и необходимостью решения общих стратегических задач.

Ключевые слова: Организация тюркских государств, российско-турецкие отношения, геополитика, пантюркизм, Центральная Азия, Южный Кавказ, внешняя политика Турции

Для цитирования: Бдоян Давид Гургенович, Манаширов Эльдар Соломонович Организация тюркских государств и её влияние на российско-турецкие отношения // Восток (Oriens). 2026. № 4. С. 42–43. DOI: 10.31696/S086919080039165-8

Статья на сайте

ORGANISATION OF TURKIC STATES AND ITS INFLUENCE ON RUSSIAN-TURKISH RELATIONS

© 2026

DAVID BDOYAN*

© 2026

ELDAR MANASHIROV*

Abstract. *After the Justice and Development Party came to power in Turkey, Ankara began to pursue an independent and proactive foreign policy. One of the key goals of Erdogan is to achieve regional leadership and transform Turkey into a leader of both the Muslim and Turkic world. In this regard, in 2009 the leaders of Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Turkey signed an agreement on the establishment of the Cooperation Council of Turkic-speaking States (Turkic Council). In 2021 the Turkic Council was renamed the Organization of Turkic States. Turkey's growing influence in the post-Soviet Turkic-speaking republics directly affects the interests of the Russian Federation, which leads to an even greater complication of the bilateral agenda. The article analyzes institutionalization of cooperation between Turkic-speaking countries within the Organization of Turkic States (OTS) and its impact on the current state of Russian-Turkish relations. The evolution of pan-Turkist ideas and their transformation into a pragmatic project of "neo-Turkism", where Turkey seeks to take a leading position, is considered. It examines the dual nature of the OTS's influence on relations between Moscow and Ankara, which simultaneously creates new points for geopolitical rivalry in Central Asia and the South Caucasus, but does not negate pragmatic partnership in other areas. It is concluded that OTS is becoming an important factor complicating the already multifaceted interaction between Russia and Turkey, forming a model of "competitive cooperation", where both powers are forced to constantly balance between rivalry for influence and the need to solve common strategic problems.*

Keywords: *Organization of Turkic states, Russian-Turkish relations, geopolitics, pan-Turkism, Central Asia, South Caucasus, foreign policy of Turkey*

DOI: 10.31696/S086919080039569-2

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ ТОРЕВТИКА ИЗ САРМАТСКОГО КУРГАНА
У ГОРОДА ВОЛЖСКИЙ. ЧАСТЬ IV

© 2026

БАЛАХВАНЦЕВ АРЧИЛ САВЕЛИЧ*

*– Институт востоковедения РАН (ИВ РАН)

ORCID: 0000-0002-3028-0109; balakhvantsev@gmail.com

Резюме. В завершающей части статьи рассматриваются вопросы, связанные с датировкой, местом и обстоятельствами изготовления канфаров. При анализе палеографии надписей на канфарах следует, прежде всего, обратить внимание на двукратное употребление квадратной сигмы, которая абсолютно нехарактерна для эпиграфики эллинистического мира III–II вв. до н.э. от Сицилии до Гандхары. Единственным исключением является Греко-Бактрия, где такая форма сигмы четыре раза используется в надписи из Жига-тепе (конец III – начало II вв. до н.э.). Это позволяет прийти к выводу, что канфары были изготовлены в Бактрах в конце правления Евтидема I (226 – ок. 190 г. до н.э.). Уроженец Магнесии смог не только захватить власть в Бактрии, но и добиться в 206 г. до н.э. от Антиоха III признания за собою царского титула, а также создать собственную династию. Его сын Деметрий не позднее 200 г. до н.э. начал завоевание областей к югу от Гиндукуша. Поэтому не удивительно, что Евтидем I пожелал отметить столь выдающиеся успехи изготовлением парадного сервиза, посвящённого жизни своего самого почитаемого героя – Геракла, занимавшего исключительное положение на монетах на протяжении всего его царствования. Учитывая мирные отношения Евтидема I и его ближайших наследников с находившимися на северо-западных границах Греко-Бактрии кочевниками, канфары могли попасть к последним в качестве дара одного из греко-бактрийских царей. Но сосуды также могли достатьсяномадам после разгрома Бактрии в 140–130 гг. до н.э. Опираясь на данные письменных и археологических источников о переселении части завоевателей Бактрии – асиев – в Волго-Донское междуречье, можно предположить, что последним владельцем канфаров был один из вождей асиев, вместе с которым они и были захоронены в одиночном кургане на левом берегу Волги.

Ключевые слова: Сфер, Эпикрат, канфары, торевтика, эпиграфика, Греко-Бактрия, Геракл, Евтидем I, Деметрий

Для цитирования: Балахванцев Арчил Савелич Эллинистическая торевтика из сарматского кургана у города Волжский. Часть IV // Восток (Oriens). 2026. № 4. С. 44–45. DOI: 10.31696/S086919080039569-2

Статья на сайте

HELLENISTIC TOREUTICS FROM THE SARMATIAN BURIAL
MOUND NEAR VOLZHSKY. PART IV

© 2026

ARCHIL S. BALAKHVANTSEV*

Abstract. The final section of the article examines issues related to the dating, location, and circumstances of the manufacture of the kantharoi. When analyzing the paleography of the kantharoi

inscriptions, one should first note the double use of the square sigma, which is completely uncharacteristic of the epigraphy of the Hellenistic world. The only exception is Greco-Bactria (late 3rd – early 2nd centuries BC). This allows us to conclude that the kantharoi were made in Bactra at the end of the reign of Euthydemus I (226 – c. 190 BC). Euthydemus I secured recognition of his royal title from Antiochus III in 206 BC and established his own dynasty. His son Demetrius, no later than 200 BC, began the conquest of the regions south of the Hindu Kush. Euthydemus I wished to commemorate such remarkable successes by producing a ceremonial service dedicated to the life of his most revered hero, Heracles. Given the peaceful relations between Euthydemus I and his immediate successors and the nomads on the northwestern borders of Greco-Bactria, the kantharoi could have come to them as a royal gift. However, the vessels could also have been seized by the nomads after the defeat of Bactria in 140–130 BC. Taking into account the data from written and archaeological sources about the resettlement of some of the Asii conquerors of Bactria to the Volga-Don interfluvium, it can be assumed that the last owner of the kantharoi was one of the Asii leaders, with whom they were buried in a single burial mound on the left bank of the Volga.

Keywords: *Sphairos, Epicrates, kantharoi, toreutics, epigraphy, Greco-Bactria, Heracles, Euthydemus I, Demetrius*

DOI: 10.31696/S086919080038789-4

РУКОПИСИ САНСКРИТСКОЙ «МАХАПАРИНИРВАНА-СУТРЫ»
(SI 2949/1, SI 2955/13) ИЗ КОЛЛЕКЦИИ М.М. БЕРЕЗОВСКОГО (ИБР
РАН)

© 2026

КЛЕМЕНТЬЕВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА*

*– Институт восточных рукописей РАН

ORCID: 0000-0001-5964-4618; tklementeva1297@mail.ru

© 2026

МЕШЕЗНИКОВ АРТЕМ ВЛАДИМИРОВИЧ*

*– Институт восточных рукописей РАН

ORCID: 0000-0002-8883-1284; mesheznikoff@gmail.com

Резюме. «Махапаринирвана-сутра» (санскр. “Mahāparinirvāṇa-sūtra” – «Сутра о великой паринирване») – одно из основных и самых священных сочинений северного буддизма, которое пользовалось огромной популярностью не только на исторической родине в Индии, но и вне ее, в частности в культурных традициях северных и южных городов-оазисов Сериндии (совр. Синьцзян, КНР). В санскритской коллекции Сериндийского фонда Института восточных рукописей РАН (ИБР РАН) сказанное подтверждается наличием рукописных фрагментов, относящихся к двум известным вариациям данного текста – хинаянской (раннебуддийской) и махаянской версиям «Махапаринирвана-сутры». Настоящая статья вводит в научный оборот два новых фрагмента «сутры о нирване», хранящихся в Сериндийском фонде в составе коллекции исследователя Центральной Азии М.М. Березовского (1848–1912). Публикуемые фрагменты (SI 2949/1 и SI 2955/13) были приобретены во время экспедиции М.М. Березовского в северный оазис Куча (1905–1907), записаны на бумаге северотуркестанским брахми и условно датируются VIII–IX вв. Как удалось установить в ходе их сопоставления с повествовательными разделами китайской Винаи и с санскритским текстом из Турфанской коллекции в Берлине, исследуемые фрагменты не связаны с махаяной и, по-видимому, составляли часть канона хинаянской школы муласарвастивады, что согласуется с закрепившимся в науке положением о доминировании хинаяны в северных субрегионах Сериндии (Куча, Турфан) в противовес южным оазисам (Хотан), где преобладала махаянская традиция. С точки зрения содержания фрагменты включают несколько важных сюжетов, повествующих, в том числе, о погибших мирянах в селении Надика, тяжелой болезни Будды и отсрочке его паринирваны ради последних наставлений. Статья включает описание публикуемых рукописных фрагментов, краткую характеристику их содержания, транслитерацию, сопоставление с изданием санскритского текста рукописей Турфанской коллекции и с китайским текстом из состава Винаи муласарвастивады, перевод и факсимильное воспроизведение.

Ключевые слова: буддизм, «Махапаринирвана», муласарвастивада, санскрит, Сериндийский фонд ИБР РАН, правакаяна

Для цитирования: Кlementьева Татьяна Владимировна, Мешезников Артем Владимирович Рукописи санскритской «Махапаринирвана-сутры» (SI 2949/1, SI 2955/13) из коллекции М.М. Березовского (ИБР РАН) // Восток (Oriens). 2026. № 4. С. 46–47. DOI: 10.31696/S086919080038789-4

Статья на сайте

MANUSCRIPTS OF THE SANSKRIT “MAHĀPARINIRVĀṆA-SŪTRA”
(SI 2949/1, SI 2955/13) IN THE COLLECTION OF M.M. BEREZOVSKY
(IOM RAS)

© 2026

TATIANA KLEMENTEVA*

© 2026

ARTIOM MESHEZNIKOV*

Abstract. *The Mahāparinirvāṇa-sūtra (“The Sūtra of the Great Parinirvāṇa”) is one of the most sacred works of Northern Buddhism, which was popular not only in its historical homeland in India, but also abroad, especially in the cultural traditions of the northern and southern oasis-cities of Serindia (modern-day Xinjiang, PRC). Evidence for this is found in the Sanskrit part of the Serindia Collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (IOM RAS), which contains fragments of two known variations of this text: the Hīnayāna and Mahāyāna versions of the Mahāparinirvāṇa. This article introduces two newly found fragments stored at the Serindia Collection, within the M.M. Berezovsky (1848–1912) subcollection. The fragments under study (SI 2949/1 and SI 2955/13) were acquired during M.M. Berezovsky’s expedition to the northern oasis of Kucha (1905–1907), both are written on paper in North Turkestan Brāhmī, and can be dated to the 8th–9th cc. As has been established through comparison with some excerpts from Chinese Vinaya and the Sanskrit text from the Turfan Collection in Berlin, these fragments are not associated with Mahāyāna and, apparently, they formed part of the canon of the Hīnayāna Mūlasarvāstivāda school. This is consistent with the established scholarly view regarding the dominance of Hīnayāna in the northern subregions of Serindia (Kucha, Turfan), in contrast to the southern oases (Khotan), where the Mahāyāna tradition prevailed. This article includes description of two fragments, analysis of their content, transliteration, comparison with the Sanskrit and Chinese texts, translation and facsimile.*

Keywords: *Buddhism, Mahāparinirvāṇa, Mūlasarvāstivāda, Sanskrit, Serindia Collection IOM, RAS, Śrāvakayāna*

DOI: 10.31696/S086919080039355-7

ПЕРСОЯЗЫЧНЫЕ РУКОПИСИ ИЗ ИНДИИ В СОБРАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН ИМЕНИ АХМЕТ-ЗАКИ ВАЛИДИ

© 2026

САИТБАТТАЛОВ ИСКАНДЕР РАСУЛЕВИЧ*

* – Институт востоковедения Российской академии наук
ORCID: 0000-0002-5948-4666; saibtatloff@yahoo.com

Резюме. Статья рассматривает два ранее не изучавшихся письменных памятника на персидском языке, хранящихся в отделе рукописей и редких изданий Национальной библиотеки Республики Башкортостан им. А.-З. Валиди. Оба этих памятника были созданы на территории Индо-Пакистанского субконтинента в XVII–XVIII вв. и содержат суфийские сочинения, посвященные разным аспектам мистической практики братств Накибандийя-Муджадидийя и Сухравардийя. Нахождение в регионе рукописи, описывающей практику первого ордена, ожидаемо в контексте духовной преемственности индийских и башкирских суфиев. Чтение ими сухравардийского сочинения укладывается в рамки их интеллектуальных запросов. Оба сочинения, представленных в рукописях, хранящихся в Уфе, сравнительно редко встречаются в российских книжных собраниях. Сочинение «Сокровище наставлений в раскрытии начала и завершения [мистического пути]» Мухаммад-Бакира б. Шараф ад-Дина ал-Лахури ал-Хусайни ал-‘Аббаси представлено в России тремя копиями, две из которых находятся в Уфе. Сочинение «Собрание писем шейха Йахйа Манири» популярно на Индо-Пакистанском субконтиненте, но практически неизвестно в России. Приводится археографическое описание обоих памятников, на основе владельческих надписей реконструируется маршрут и обстоятельства их попадания на Южный Урал, а также разные варианты их использования в религиозной практике и образовательной деятельности. На основе владельческих надписей и комментариев на полях определяются форматы рецепции этих текстов российскими мусульманами. Первая рукопись использовалась в религиозной практике, а также как реликвия, подтверждавшая авторитет конкретных религиозных лидеров. Вторая попала в Россию как объект коллекционирования. На основе широкого историко-культурного контекста устанавливаются факторы, повлиявшие на изменение маршрутов поступления индийских рукописей на Южный Урал, а также на функционирование персидского языка в интеллектуальном пространстве региона. На примере двух рукописей описан процесс постепенного превращения списков суфийских сочинений из материала для чтения и изучения в предмет коллекционирования.

Ключевые слова: археография Южного Урала, ислам в России, исламская книжность в России, книжная культура, персидский язык, суфизм

Для цитирования: Сайтбатталов Искандер Расулевич Персоязычные рукописи из Индии в собрании Национальной библиотеки Республики Башкортостан имени Ахмет-Заки Валиди // Восток (Oriens). 2026. № 4. С. 48–49. DOI: 10.31696/S086919080039355-7

Статья на сайте

PERSIAN-LANGUAGE MANUSCRIPTS FROM INDIA IN THE COLLECTION OF THE NATIONAL LIBRARY OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN NAMED AFTER AKHMET-ZAKI VALIDI

© 2026

ISKANDER SAITBATTALOV*

Abstract. *This article examines two previously unstudied Persian-language manuscripts housed in the Manuscripts and Rare Editions Department of the A.-Z. Validi National Library of the Republic of Bashkortostan. Both manuscripts were created in the Indo-Pakistan subcontinent in the 17th and 18th centuries and contain Sufi writings devoted to various aspects of the mystical practices of the Naqshbandiyya-Mujaddidiyya and Suhrawardiyya brotherhoods. The discovery of a manuscript describing the practices of the first order in the region is expected given the spiritual continuity of Indian and Bashkir Sufis. Their reading of the Suhrawardi text fits within the framework of their intellectual interests. Both works, presented in manuscripts housed in Ufa, are comparatively rare in Russian book collections. The work “The Treasure of Instructions in Revealing the Beginning and Completion [of the Mystical Path]” by Muhammad-Baqir b. Sharafad-Din al-Lahuri al-Husayni al-‘Abbasi is represented in Russia by three copies, two of which are in Ufa. The work “The Collection of Letters of Sheikh Yahya Maniri” is popular in the Indo-Pakistani subcontinent, but is virtually unknown in Russia. It provides an archaeographical description of both monuments, reconstructing the route and circumstances of their arrival in the Southern Urals based on owner’s inscriptions, as well as various versions of their use in religious practice and education. Based on owner’s inscriptions and marginal comments, the formats of reception of these texts by Russian Muslims are established. The first manuscript was used in religious practice and as a relic, confirming the authority of specific religious leaders. The second came to Russia as a collector’s item. A broad historical and cultural context is used to identify the factors that influenced the changing routes of Indian manuscripts arriving in the Southern Urals, as well as the functioning of the Persian language in the intellectual space of the region. Using two manuscripts as examples, the process of gradual transformation of Sufi manuscripts from reading and study material into collectibles is described.*

Keywords: *archeography of the Southern Urals, Islam in Russia, Islamic literature in Russia, book culture, Persian language, Sufism*

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда РНФ № 25-18-00781 «Словарь исламской книжности и книжников России»

DOI: 10.31696/S086919080039390-6

[РЕЦ. НА:] АДАМЧЕВСКИЙ П., ЦАБАН В. КАРОЛЬ
КАЛИНОВСКИЙ. ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ
НА КАВКАЗЕ И О ПЛЕНЕ У ШАМИЛЯ. С 1844 ПО 1855 ГГ.
ТБИЛИСИ: АРТАНУДЖИ, 2025. 296 С.

© 2026

ОВСЯННИКОВ ДМИТРИЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ*

*– Санкт-Петербургский государственный университет

ORCID: 0000-0003-1626-0678; warg-d@yandex.ru

© 2026

ЛОБАНОВ ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ*

*– РГУП им. В.М. Лебедева

ORCID: 0000-0001-9608-6619; lobanov2024@yandex.ru

Для цитирования: Овсянников Дмитрий Владиславович, Лобанов Владимир Борисович [Рец. на:] Адамчевский П., Цабан В. Кароль Калиновский. Воспоминания о моей военной службе на Кавказе и о плене у Шамиля. С 1844 по 1855 гг. Тбилиси: Артануджи, 2025. 296 с. // Восток (Oriens). 2026. № 4. С. 50. DOI: 10.31696/S086919080039390-6

Статья на сайте

[REVIEW OF:] ADAMCHEVSKY P., TSABAN V. KAROL KALINOVSKY. MEMOIRS OF MY MILITARY SERVICE IN THE CAUCASUS AND MY CAPTIVITY WITH SHAMIL. FROM 1844 TO 1855.
TBILISI: ARTANUJI, 2025. 296 P.

© 2026

DMITRY OVSJANNIKOV*

© 2026

VLADIMIR LOBANOV*

Восток (Oriens)

Vostok (Oriens)

№ 4 · 2026

Учредитель: Институт востоковедения РАН

Дата выхода в свет: 19.08.2026

ISSN 0869-1908 (Online)

vostokoriens.is.ivran.ru

Выпуск на сайте